

Воронежский государственный университет

На правах рукописи

Лу Бо

**Русские экспрессивные синтаксические конструкции
как коммуникативные единицы**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Н.М. Вахтель

Воронеж - 2015

Содержание

Введение.....	3
Глава I Теоретические проблемы исследования экспрессивных синтаксических конструкций.....	10
Глава II Функционально-семантическая и прагматическая характеристика коммуникативов.....	41
1. Коммуникативы, передающие семантику согласия.....	42
2. Коммуникативы, передающие семантику несогласия.....	66
3. Коммуникативы, передающие семантику безразличия.....	76
4. Коммуникативы, передающие семантику побуждения.....	80
Глава III Функционально-семантическая и прагматическая характеристика метакоммуникативов.....	86
Глава IV Функционально-семантическая и прагматическая характеристика коммуникем.....	107
Заключение.....	126
Список использованной литературы.....	129

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе исследуются сочетания слов, которые принято называть коммуникативами, хотя существуют и другие термины для их обозначения. Коммуникативы в человеческом общении, особенно в разговорной речи, встречаются постоянно. Они представляют собой нечленимые конструкции, экспрессивно выражающие различные интенции, коммуникативные цели и передают разнообразные эмоции.

Объектом исследования являются экспрессивные синтаксические конструкции, выполняющие коммуникативные функции в живой русской речи.

Предмет исследования – имплицитные смыслы и интенции говорящих, передаваемые экспрессивными сочетаниями.

Коммуникативы – это такие единицы языка, которые тесно связаны с личностью говорящего. Изучение коммуникативов ведется в функционально-семантическом и прагматическом аспектах.

В последнее время появился термин «коммуникема», введенный В. Ю. Меликяном, автором «Словаря эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи» (2001), где впервые собрано более 650 нечленимых предложений, которые автор называет коммуникемами, выражающими значения «утверждения», «отрицания» и «оценки». В этот словарь включены и фразеосхемы, то есть «фразеологизированные конструкции, обладающие лексической проницаемостью и определяемой синтаксической схемой, тесно и органично сочетающиеся с другими высказываниями в рамках текста» (Меликян 2006, с.6). Фразеосхемы, или в другой терминологии «фраземы», обладают «понятийной семантикой (номинативной, то есть равной суждению). Таким образом, к эмоционально-экспрессивным

синтаксическим единицам, судя по словарю В.Ю. Меликяна, относятся фразеосхемы и коммуникемы, которые в свою очередь обладают непонятной (неноминативной, то есть не выражающей суждение) семантикой.

Специфические коммуникативные единицы, не соответствующие никакой грамматической модели классических предложений, выполняющие регулятивную функцию и выражающие большой диапазон модально-прагматических значений, сегодня получают самую разнообразную квалификацию в работах учёных-лингвистов. Примером терминологического разнообразия служат следующие термины:

«фразоиды» (Л. Теньер);

«слова-предложения» (Грамматика, 1954);

«неполнозначные слова» (Ю.И. Леденёв);

«сентенсоиды» (И.И. Прибыток);

«релятив» (Г.В. Валимова, О.Б. Сиротинина);

«метакоммуникативные сигналы слушающего» (Г.Д. Чхетиани);

«грамматические фразеологизмы» (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский);

«фразема» (Л.Л. Иомдин);

«фразеосхема» (Д.Н. Шмелёв);

«реплики-клише» (А.В. Исаченко);

«коммуникативы» (С.В. Андреева);

«коммуникемы» (В.Ю. Меликян);

«вторичные междометия» (В.Н. Шаронов);

«неопознанные синтаксические объекты» (С.Г. Ильенко).

Существование такого количества терминов, обозначающих близкие, но всё-таки неодинаковые явления, не может отвечать

современному уровню требований к анализу единиц языка и речи и к практике преподавания русского языка как иностранного. Анализ указанных единиц позволит «опознать» их, выявить специфику их использования и описать их коммуникативные смыслы, которые выражены, как правило, имплицитно.

Названные синтаксические экспрессивные сочетания являются функциональными заместителями высказываний. Они имеют свою специфику, которая заключается в том, что грамматически они не соответствуют предложениям и выполняют речерегулирующую функцию с большим диапазоном модальных значений и прагматических интенций. С учётом разного вида коммуникативной информации, передаваемой такого вида единицами, назрела необходимость детализации, систематизации и дифференциации коммуникативных экспрессивных построений, используемых в русской речи. Мы разделяем точку зрения Н.В. Богдановой, выделяющей проблему «инвентаря тех единиц, которые должны стать стержнем любой грамматики, в том числе и грамматики речи» (Богданова 2010:190).

Всё сказанное обеспечивает **актуальность** данного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении и описании функционально-семантической и прагматической специфики синтаксических экспрессивных конструкций, квалифицируемых автором данной работы как коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы.

Задачами исследования являются:

1) обобщение данных о коммуникативных нечленимых экспрессивных единицах разговорного синтаксиса, представленных в

лингвистических исследованиях;

2) установление критериев разграничения нечлененных экспрессивных сочетаний;

3) определение имплицитных смыслов, формируемых коммуникативами, метакоммуникативами и коммуникемами.

Методы исследования продиктованы теми задачами, которые обусловлены самой целью работы. Это описательный метод с использованием наблюдения, обобщения и интерпретации, а также элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить прагматическую сущность экспрессивных построений и их дискурсивные функции.

Методологической и методической основой работы послужили труды видных исследователей русской диалогической и разговорной монологической речи: С.В. Андреевой, А.Н. Баранова И.Н. Борисовой, В.З. Демьянкова, Е.А. Земской, Г.Т. Инфантовой, Н.А. Коминой, В.И. Красных, Г.Е. Крейдлина, О.А. Лаптевой, Н.Н. Лапыниной, М.Л. Макарова, О.Б. Сиротининой, М.Ю. Федосюк, Н.И. Формановской, И.А. Шаронова, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелёва и многих других.

Материалом исследования послужили телевизионные диалоги, прозвучавшие в программах: «Модный приговор», «Пусть говорят», «Прямой эфир», «Говорим и показываем», «Давай поженимся», «Наедине со всеми» и «Вечерний Ургант» с 2012 по 2014 гг. (в общей сложности 7 часов звучания), письменные диалоги, стилизованные под разговорную живую речь в современных художественных произведениях, а также газетно-публицистических текстах, где диалогизация стала особым эффективным журналистским приемом, и устные диалоги из кинофильмов. Привлекался и материал «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru), и ручные блокнотные записи живой разговорной русской речи. В общей

сложности фактический материал составил около 4-х с половиной тысяч примеров с использованием экспрессивных нечленимых синтаксических конструкций. Экспрессивные синтаксические сочетания представляют собой открытый список. На момент настоящего исследования он содержит 216 единиц.

В качестве предварительной **гипотезы исследования** было выдвинуто положение о том, что нечленимые экспрессивные синтаксические построения по-разному функционируют в живой русской речи и нуждаются в дифференциации и систематизации, что позволит выделить три их основные разновидности: коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы.

Теоретическая значимость работы состоит: 1) в выработке критериев для разграничения неоднородных по своему составу нечленимых неноминативных сочетаний русской разговорной речи; 2) в констатации наличия трёх разновидностей экспрессивных синтаксических конструкций современной русской разговорной речи, выражающих коммуникативные смыслы имплицитно и, как правило, амбивалентно.

Научная новизна диссертации определяется следующим:

- 1) вкладом в систематизацию экспрессивных языковых средств синтаксического уровня языка, выполняющих речеактовые, метатекстовые и эмоционально-оценочные функции;
- 2) введением в научный оборот понятия метакоммуникативов как особого класса, представляющего собой разнообразные комбинации сочетаний частиц, наречий, союзов, местоимений и междометий, выполняющих метатекстовые функции;
- 3) выявлением критериев на основе дифференциации экспрессивных единиц синтаксического уровня

(коммуникативов, метакоммуникативов и коммуникем) на основе их функционирования в современной живой русской разговорной речи.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов в курсах по синтаксису разговорной речи, прагмалингвистике и в практике преподавания русского языка как иностранного.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Экспрессивно-эмоциональные синтаксические построения как единицы диалогического дискурса не относятся к так называемым «сорнякам речи», а являются неотъемлемыми средствами эффективной коммуникации.

2. Среди таких построений на основе выполняемых ими функций наиболее чётко выделяются три их разновидности: коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы.

3. Коммуникативы выражают интенции говорящего, выполняют речеактовые функции, обязательно предполагают или «иллокутивно вынуждают» соответствующую реакцию со стороны слушающего и сами могут выступать в роли ответных реплик.

4. Метакоммуникативы, в отличие от коммуникативов, выполняют метатекстовые функции и не имеют коммуникативной направленности на адресата.

5. Коммуникемы экспрессивно выражают эмоции, не являются речевыми актами, не предполагают обязательной реакции со стороны адресата, которого может и не быть.

6. Интегральными характеристиками этих единиц будут:
а) их формирование основано на десемантизированной полнозначной лексике; б) тесная связь с контекстом и

ситуацией; в) модусная составляющая семантики; г) наличие категории «отношение», однако характер этого отношения различен; г) они являются непредложенческими и неноминативными единицами.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава I

Теоретические проблемы исследования экспрессивных синтаксических конструкций

Экспрессия – это усиление и выразительности, и изобразительности. Несмотря на свою традиционность, понятие экспрессивности до сих пор не получило однозначного определения. Это понятие нередко смешивают с такими понятиями, как «эмоциональность», «оценочность» и «эмоциональная экспрессивность». В словарях понятие «экспрессивность» трактуется как «выразительность», а понятие «экспрессия» - как «выразительно-образительные качества речи, отличающие её от обычной (стилистически нейтральной) речи, придающие ей образность и эмоциональную окрашенность» (Ахманова 1966:524).

Е.М. Галкина-Федорук, различая эмоциональность и экспрессивность, определяет последнюю как «усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного... и все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей» (Галкина-Федорук 1958:107).

Несмотря на недостаточную определенность этих дефиниций, все же очевидны следующие два факта: во-первых, термин двузначен. М.Н. Кожина предлагает признать правомерными оба толкования, а именно: а) экспрессивно-выразительный, «хорошо выражающий что-нибудь», «имеющий особенное выражение», б) экспрессивный – усиливающий выразительность, изобразительность, воздействие (Кожина 1987:13). В конечном счете, оба эти толкования, при всем различии определений,

объединены семей интенсивности и предполагают градацию в проявлении характеризуемого свойства; во-вторых, многие авторы употребляют термин-понятие «экспрессивность» (либо «выразительность») по отношению к коммуникативным качествам речи (Головин 1980:185-188).

Экспрессивно-эмоциональная функция языка была выделена Р.О. Якобсоном в ряду других, таких, как познавательная, коммуникативная, побудительная (апеллятивная), фатическая (непосредственно-контактная) и поэтическая (Якобсон 1975).

Позже экспрессивная функция стала пониматься вообще как «способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначенным предметам и явлениям действительности» (Александрова 1984:7).

Как лингвистическая категория экспрессивность реализуется в языке и речи и представляет собой совокупность признаков языковой (речевой) единицы, благодаря которым говорящий и пишущий выражает субъективное отношение к содержанию чего-либо или к собеседнику, адресату речи.

Обычно к средствам экспрессивного синтаксиса относят риторические фигуры и тропы. К ним относят разновидности специфических построений таких, как хиазм, параллелизм, повтор, парцелляция, полисиндетон (многосоюзие), градация, инверсия и др. Среди тропов обычно выделяют применительно к синтаксису эпитеты, олицетворения, тавтологию, плеоназм и др. Однако существуют экспрессивные конструкции, характерной чертой которых является их полифункциональность в выражении значительного класса эмоций. Каждая разновидность экспрессивно построенных конструкций

способствует актуализации функций воздействия и регуляции речевого поведения. Эти функции становятся в таких структурах доминантными.

Р.В. Шиленко так определяет экспрессивные высказывания: «...это такие высказывания, которые передают психические состояния говорящего, его чувства, отношение к тем или иным событиям, выражают отношение между говорящим и слушающим, при этом передают само существо этих отношений. Произнесение такого высказывания говорящий осуществляет с той или иной степенью чувственной выразительности» (Шиленко 1985:160). Однако он, как и многие другие исследователи, относит к экспрессивным высказываниям этикетные речевые акты (экспрессивы в терминологии Дж.Серля) такие, как благодарности, извинения. В классификации речевых актов Дж Серля экспрессивы составляют отдельный класс речевых актов, выражающих психическое состояние, значения которых заключено в семантике глаголов «благодарить», «поздравлять», «извиняться» и подобных, так называемых этикетных глаголах. Известно, что в рамках теории речевых актов каждый речевой акт рассматривается сам по себе, изолированно от контекста общения, то есть без учёта отношений между стимулирующими и реагирующими речевыми актами. В данной работе экспрессивные нечленимые синтаксические конструкции анализируются с учётом контекстных условий их использования.

Категория экспрессивности взаимодействует со структурной организацией построений. Ср.:

1) *Сказать легко, сделать трудно!*

2) *Легко сказать, 1000 долларов!*

Инверсия, сама по себе являющаяся экспрессивным синтаксическим средством, приводит к нечленимости нового образования «легко сказать» и к абсолютно новой семантике и

прагматике этого высказывания. Если в первом случае перед нами сложная синтаксическая конструкция, состоящая из двух простых однокомпонентных инфинитивных предложений, обладающая экспрессией, обусловленной антитезой, то во втором случае рождается новая структура, тоже обладающая экспрессией, но превращающаяся в нечленимое предложение или коммуникатив. Это уже особый речевой акт, выражающий сразу несколько интенций: неодобрение, возмущение в сочетании с несогласием по поводу того, что кажется трудным, невыполнимым.

По В.Ю. Меликяну, коммуникемы как речевые образования, обладают следующими признаками: коммуникативной автономностью (самостоятельностью); возможностью использования в нулевом окружении (*Легко сказать!*); грамматической независимостью от словоформ, находящихся за пределами конструкции.

Мы можем констатировать, что синтаксическая экспрессивность создается не только стилистическими фигурами и тропами, но и другими средствами: процессами переконструирования исходных системных синтаксических конструкций с использованием междометий, частиц, местоимений или их сочетаний. Ср.:

1) *Он подлец!*

2) *Ну и подлец же он!*

Очевидно, что высказывание (2) обладает большей экспрессивностью, а значит, и более сильной воздействующей функцией.

Важно, что экспрессивность отражает и выражает сознательное, целенаправленное субъективное и эмоциональное отношение говорящего к собеседнику или предмету, служит для усиления

высказанной оценки, для актуализации интенций в процессе общения (Тошович 2006:9).

Способность к экспрессии, выразительности речи характерна для человека, который обладает самостоятельностью мышления, равнодушием к окружающему, хорошим знанием языка и языковым чутьём, поскольку выражение интенций, как правило, заключено в подтексте, представлено имплицитно, неявно.

Экспрессивно, выразительно все то, что выделяется (семантически или формально) на общем привычном языковом фоне. Очевидно, что существует экспрессивная коммуникация как «специфическое выражение коммуникативно-прагматического намерения говорящих» (Шаховский 2008:134). По мнению некоторых ученых, информативная функция языка выражает его тенденцию к экономии, а экспрессивная – тенденция к избыточности (Киселева 1973:13). А.П. Сковородниковым установлено, а наш материал русского языка это подтверждает, что чем сильнее тенденция высказывания направлена на экономию или избыточность языковых средств, тем больше она направлена на реализацию воздействующей (т.е. прагматической) задачи (Сковородников 1981:231).

Экспрессивная семантика синтаксических конструкций является коммуникативно значимой. Экспрессивная речь всегда есть реакция на речевой поступок собеседника. Экспрессивизация высказывания осуществляется с помощью огромного, необозримого разнообразия языковых средств и способов, выбор которых задается эмоцией говорящего и его намерением.

В монографии «Лингвистическая теория эмоции» В.И. Шаховский дает следующее определение категории экспрессивности: «экспрессивность – это совокупность средств и способов, приемов

создания прагматического эффекта высказывания, обязывающая получателя интерпретировать эти высказывания в соответствии с замыслом говорящего» (Шаховский 2008:98).

Семантическая категория экспрессивности связана с категорией интенсивности. Проблема корреляции этих понятий и анализ указанных семантических категорий в функционально-прагматическом аспекте затрагивалась в диссертации В.В. Безруковой (2004) на материале английского языка. Автор относит категорию интенсивности к лингвопрагматической категории и характеризует её как субъективную, что делает её средством индивидуализации высказывания и речи в целом. Можно сказать, что экспрессивность – это такое свойство речи, благодаря которому она начинает передавать смысл наиболее интенсивно. Единство экспрессивности и интенсивности как её составляющей создаёт прагматический эффект усиленного воздействия на адресата.

Исследование лексико-грамматических средств, способных функционировать в качестве самостоятельных высказываний – нечленимых предложений, используемых преимущественно в разговорной речи, со всей очевидностью привело к выводу о том, что в русском языке имеется особая категория слов и их сочетаний, основной синтаксической функцией которых является функция нечленимого предложения, функция коммуникативная (Киприянов 1983, с. 88).

История изучения и выделения коммуникативов до сих пор является дискуссионной.

К единицам экспрессивного синтаксиса относятся специфические коммуникативные единицы, систематизация которых осложняется из-за ярко выраженной структурной неоднородности, асимметричности плана

выражения и плана содержания и свойственной многим из них многофункциональности.

В разных лингвистических научных источниках такие единицы называют по-разному и классифицируют на разных основаниях. В словарях такие единицы представлены неполно и противоречиво. Авторы переводов диалогов, встречающихся в русской художественной литературе, регулярно опускают эти «подозрительные» единицы – поскольку не знают точно, что они на самом деле означают. Диалогический текст в итоге утрачивает эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Не соответствующие предложениям синтаксические конструкции, придающие экспрессивность построениям устной и письменной речи, были выделены ещё в XX веке. К сегодняшнему дню они получили самую разнообразную трактовку и квалификацию. Попыток классифицировать специфические коммуникативные экспрессивные синтаксические единицы в научной литературе немного, чаще всего исследователи констатируют бесконечное структурное многообразие подобных построений и невозможность их систематизации по формальным принципам.

Первоначально непохожие на традиционные предложения были названы славями-предложениями, относящимися к разным частям речи: наречиям, местоимениям, союзам, частицам и междометиям. Позднее их стали квалифицировать как коммуникативно-самостоятельные единицы. Общепринятый термин для обозначения рассматриваемых единиц отсутствует, что делает актуальной задачу его поиска.

В «Русской грамматике – 80» слова-предложения представлены семью группами:

1) функционирующие обычно в диалоге выражения утверждения или отрицания, подтверждения или не подтверждения, уверения, согласия или не согласия: *Да!; Нет!; Так точно!; Никак нет!; Есть! Конечно; Верно!; Разумеется!; Ладно! И др.*

2) разнообразные этикетные формулы выражения приветствия и ответа на него, благодарности и реакции на благодарность, пожелания, просьбы, поздравления и ответы на них: *Здравствуйте! До свидания! С добрым утром! Спасибо; Пожалуйста; Всего хорошего и др.*

3) выражения волеизъявления, призыва к действию, вниманию, команды ;*Марш!; Цыц!; Ау!; Шабаш!; Баста!; Айда!; На!; Эй!; Алло! И др.*

4) выражения различных чувств, эмоций, эмоционального отношения и реакций: *Ах!; Ох!; Эге!; Ух ты!; Вот это да!; Ну и ну! И др.*

5) выражения общего вопроса, ответа на него: *А?; Что?; Ну и что?; Ничего; Как?; Ну как?; Да?; Неужели?; Разве? И др.*

6) звукоподражания и звукоподражательные призывы животных: *Бр-р!; Ха-ха!; Ту-ту!; Кис-кис! И др.*

7) изолированные обращения-призывы: *Мама!; Наташа!; Ребята и др.*

В своё время для обозначения синтаксических единиц, не похожих на классические предложения, широко использовался термин «нечленимые предложения», под которыми понимают такие синтаксические единицы, которые обладают устойчивостью, воспроизводимостью, целостностью, идиоматичностью, специфическим характером отношений между компонентами, а также выполняют в языке и речи коммуникативную функцию (Меликян, 2002:

15). Они характеризуются как экономичные, эмоциональные и чрезвычайно экспрессивные образования.

В.Ф. Киприянов полагал, что нечленимые высказывания представляют собой чисто эмоциональные выражения, которые «не имеют ни значения, никакой-либо значимой грамматической функции» (Киприянов, 1968: 413-414). Структурно нечленимые высказывания выражают цельную, не расчлененную на отдельные понятия мысль. Не называя чувство и волю, они все-таки осознаются носителями данного языка, всем понятны, поскольку за ними закреплено определенное смысловое содержание и прагматическая установка. Однако для иностранцев они представляют собой чрезвычайную сложность. Абсолютно справедливым является замечание Т.Н. Колокольцевой о том, что «занимая позицию отдельной реплики, нечленимые высказывания приобретают пропозициональное прочтение. Конкретный диктумный смысл (и модусный тоже – *замечание автора*) в этом случае передаётся анафорически, путём отсылки к ближайшему препозитивному контексту» (Колокольцева 2001: 66).

В.Н. Шаронов к основным признакам нечленимых предложений относит выражение «речевой интенции говорящего и ментально-эмоционального отношения лица к предмету речи или к актуальной экстралингвистической ситуации» (Шаронов 1996: 90). Однако их прагматика так же многозначна, как и семантика, они конкретизируются только в контекстах.

Суммируя все вышесказанное, можно обозначить специфические особенности нечленимых высказываний. Они сводятся к следующему:

- 1) многозначность;
- 2) зависимость от конситуации;
- 3) эмоциональность;

- 4) обращенность к сфере прагматических смыслов;
- 5) наличие воздействующей и регулятивной заданности;
- 6) реактивность быстрого реагирования на происходящее в рамках определенного коммуникативного акта;
- 7) изолированность синтаксической позиции;
- 8) десемантизация компонентов;
- 9) потеря словоизменительных возможностей;
- 10) потеря сочетаемостных возможностей;
- 11) внутренняя аморфность грамматической модели.

Пункты 7, 8, 9, 10, и 11 становятся, по мнению И.А. Шаронова, необходимыми для выделения так называемых «вторичных междометий», под которыми учёный понимает «слова разных частей речи, поменявшие свои категориальные признаки в результате синтаксических и семантических преобразований и служащие для выражения эмоциональных реакций человека» (Шаронов 2008: 57).

По образному выражению В. Вундта, вторичные междометия «одеты уже в языковые одежды» (Вундт 1993: 57).

К вторичным междометиям могут быть отнесены, по данным русской грамматики, следующие репликовые употребления:

- существительные: *Чёрт!*; *Ужас!*; *Кошмар!* и др.
- архаичные вокативные формы имён: *Господи!*; *Боже мой!*; *Царица небесная!* и т.д.
- формы глаголов и глагольных сочетаний: *плевать!*; *Обалдеть!* *С ума сойти!* *Знай наших!* *Как знать!* и др.
- предикативные наречия: *Здорово!* *Внимание!* *Лихо!* и др.

– идиоматические сочетания, состоящие из комбинаций местоимений, частиц и десемантизированной знаменательной лексики: *Вот так-как! Ну и дела!; Слава Богу!; Чёрт возьми!* и др.

В.В. Виноградов писал: «Производные, вторичные междометия нередко сохраняют грамматические остатки своих прежних синтаксических свойств, следы своего бывшего отношения к классическим частям речи» (Виноградов 1947: 750).

Учёт пункта 10 (потеря сочетаемостных возможностей) даёт основание противопоставить вторичные междометия так называемым фразеосхемам, описанным Д.Н. Шмелёвым. В отличие от вторичных междометий фразеосхемы состоят из нескольких фиксированных компонентов и одной открытой валентности, например: *Что за X (вид, девица, книга)!*; *Есть* «застывший», идеоматизированный набор компонентов *что за...* и валентность *X*, заполняемая открытым списком имен определенной семантики (Шмелёв 2002: 430), чего не наблюдается в отношении к вторичным междометиям.

Е. М. Галкина-Федорук отмечает, что «междометия... нередко образуют особые нерасчлененные предложения, теряя при этом междометный характер» (Галкина-Федорук 1964: 239).

Правомерность зачисления некоторых речений в класс междометий ставится под сомнение рядом исследователей. Отчетливо это выражено в статье Г.В. Дагурова (Дагуров 1959: 154-159).

Разделяя в целом мнение Г. В. Дагурова о том, что класс междометий непомерно расширен и что необходим пересмотр лексического состава этого класса, считаем нужным сделать несколько замечаний.

1. В статье Г. В. Дагурова не усматривается четких критериев, по которым то или иное слово должно быть оставлено в классе междометий или исключено из него.

2. Выводя из класса междометий некоторые словоформы, Г. В. Дагуров пытается вернуть их в тот класс частей речи, из которого они вышли, совершенно не принимая во внимание особенности приобретенного ими значения и особенности их функционирования. Так, слова *дудки*, *шабаш*, *караул* причисляются к именам существительным, а слова *долой*, *полно*, *довольно* - к междометиям, что, на наш взгляд некорректно.

3. Вне структурно-семантической (лексико-грамматической) классификации оставлены такие группы слов, как клички животных, побудительные слова типа *брысь*, *цыц*, *кыш*, *стоп*, *ша* и под., «безродные» (В. Дагуров) слова *баста*, *бис* и некоторые другие.

Вопрос об их принадлежности к той или иной части речи в статье не ставится. Эти слова, по сути дела, и составляют ядро коммуникативов (Киприянов 1983: 89-90).

В языке имеет место тенденция перехода знаменательных слов в служебные. Во многих случаях такой переход стал или почти стал реальностью, и, конечно, лингвист, учитывая определенные тенденции, иногда и вправе пренебречь этим.

Примечательно высказывание А. И. Смирницкого: «Как известно, в словарном составе различных, вероятно, даже всех языков, имеется некоторое число слов, отличающихся от других тем, что они употребляются вне связи с другими словами, будучи непосредственным выражением чувств, волевых побуждений, реакций на какое-либо явление, в частности – на высказывание собеседника, на его предложение или вопрос. Такие слова в большей или меньшей степени

носят «междометный» характер и, при некотором расширении понятия «междометие», могут быть названы междометиями. Все относимые сюда слова, естественно, объединяются в один разряд не столько по характеру их содержания, сколько по тому, как это содержание осознается: оно не осмысливается, не анализируется, не непосредственно выражается, не будучи, так сказать, пропущенным через мышление. Что касается самого характера содержания, то здесь существенно то, чтобы это было какое-то переживание» (Цит. по кн. Киприянов 1983: 91).

По мнению В.В. Виноградова, «...в русском языке есть предложения, функция которых сводится к простому утверждению или отрицанию, выражению согласия или к общей экспрессивно-модальной оценке предшествующего высказывания. Это – предложения, основу которых составляют утвердительные или отрицательные слова: *да* и *нет*, модальные слова *вероятно*, *возможно*».

Возникает и проблема разграничения вторичных междометий и репликовых частиц. По мнению Р.П. Рогожниковой (автора Словаря сочетаний, эквивалентных слову, 1983), эти явления разграничиваются по критерию возможности / невозможности быть реакцией на неречевой ситуативный стимул.

Итак, экспрессивные сочетания всегда служат реакцией на речь (*Да ну!?*; *Вот именно*; *Ещё бы!*; *Ещё как!*), а вторичные (производные) междометия на экстралингвистическую ситуацию, например: *Вот тебе (и) на...!*; *Вот это да!* *Вот ещё раз!* И т.п. На наш взгляд, это чрезвычайно важно.

В.Н. Шаронов приводит удачную иллюстрацию десемантизации компонентов указанных сочетаний, заключающуюся в отсутствии референтной и денотативной связи вторичного междометия с

фрагментами ситуации, когда происходит несоответствие воспринятого (услышанного) ожиданиям, планам, общим представлениям говорящего относительно какого-либо явления.

– *Я умру сегодня без тебя, Витенька...*

– *Вот тебе раз! – _ошарашенно вырвалось*

(А. Иванов. «Географ глобус пропил»).

Это – вторичное междометие.

“Вот тебе раз, вот тебе два, вот тебе три”

Здесь выражение *вот тебе раз* имеет референцию (отношение) к объекту (вот), к адресату действия (тебе) и совершаемому, что не может быть отнесено к вторичным междометиям (Шаронов 2008: 61).

В.Ю. Меликян считает, что слова-предложения или нечленимые предложения-высказывания имеют непосредственное отношение к синтаксической фразеологии, единицы которой могут быть подразделены на следующие фразеологические классы (Меликян, 2001: 27):

1) коммуникемы (термин В.Ю. Меликяна), которые представляют собой непредикативные высказывания типа *Вот это да! Как бы ни так!* И др. Необходимо заметить, что у приведенных высказываний выражена реакция на разные объекты: на экстралингвистическую ситуацию и на речь соответственно.

2) фразеосхемы, предикативные высказывания, характеризующиеся тем, что их опорный обязательный компонент носит неизменный характер, а второй компонент изменяемый, например: *что за...(природа, человек, мебель, список имен открыт)!*

На этом основании, мы солидарны с мнением Е.В. Куделькиной, которая считает неправомерным отнесение к фразеосхемам таких построений, как: *Ещё бы! И вот ещё!* (Куделькина 2008: 17);

3) устойчивые модели экспрессивно-иронического характера, например: *Нужен ты мне!; Мне бы промолчать!*

4) устойчивые обороты (пословицы, поговорки, крылатые выражения, речевые клише, синтагмы и т.д.)

С. В. Андреева называет коммуникемы коммуникативами на том основании, что они выполняют «речерегулирующую функцию» (Андреева 2005: 12). Заметим, что коммуникативно зависимая позиция в составе реплики-реакции не представляется автору ведущим признаком данного класса единиц.

В.Ю. Меликян даёт следующее довольно пространное и исчерпывающее определение коммуникеме: «Это коммуникативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимая, характеризующаяся модусной пропозицией, нерасчленённо выражающая определённое непонятное смысловое содержание и не являющаяся их регулярной реализацией, служащая реакцией на различного рода факты объективной действительности и выполняющая в языке прагматические функции» (Меликян 2001:7).

По мнению В.Ю. Меликяна, к коммуникемам относятся следующие единицы:

1) коммуникемы утверждения/отрицания: *Ещё бы! Как бы не так! Безусловно;*

2) эмоционально-оценочные коммуникемы: *Вот это да! Зрасьте!*

3) коммуникемы волеизъявления, выражающие императивные возгласы, призывы, команды: *Айда! Давай!*

4) контактоустанавливающие коммуникемы: *Алло! Внимание!*

5) этикетные коммуникемы, представляющие собой изъявление благодарности: *(Не за что!)*, извинения *(Пardon!)*, приветствия *(Здравствуйте!)*;

6) вопросительные коммуникемы: *Ведь так? Неужели! Ну?*

7) текстообразующие коммуникемы, выполняющие в тексте композиционно-организующую роль: *Итак, И потом...*

Даже поверхностный анализ приведённого перечня единиц, объединяемых термином «коммуникема», заставляет усомниться в его корректности. На наш взгляд, единицы, выражающие эмоциональную оценку, волеизъявление и установление контакта, имеют принципиальные различия при наличии и общих черт. Многие из них не входят в сферу наших интересов, поскольку не являются синтаксическими конструкциями.

Все указанные единицы обладают экспрессивностью, под которой мы понимаем особое качество языковых единиц, связанное с их установкой на всякое усиление или необычное выражение мысли, чувства и воли в языке и речи. Однако, как справедливо пишет Л.А. Киселёва, экспрессивность может быть оценена с точки зрения адресата сообщения (как силу субъективного «переживания») и с точки зрения адресанта сообщения (как силу воздействия) (Киселёва 1971). Ещё Ш. Балли разграничивал аффективную функцию языка на две её целевые установки: выражение субъективного мира говорящего и использование соответствующих средств для воздействия. Кроме того,

экспрессивная эмотивность на синтаксическом уровне и в лексической системе языка значительно расходятся. Это расхождение заключается в экспрессивном выражении субъективного «переживания» адресанта или адресата, что реализуется устойчивыми и нерасчленёнными единицами, близкими к лексемам, несмотря на их синтаксическое происхождение, и в экспрессивном выражении степени воздействия адресанта или адресата в ответных репликах. Выражение субъективного переживания реализуется устойчивыми нерасчленёнными синтаксическими фразеологическими сочетаниями, в большей степени относящимися к лексико-фразеологическому уровню языка, которые могут быть названы коммуникемами по аналогии с терминами, обозначающими единицы этого уровня: экспрессемами, стилями и т.п. Выражение разной степени воздействия в ответных диалогических репликах нечленимыми синтаксическими конструкциями, относящимися к синтаксическому языковому уровню, могут быть названы коммуникативами по аналогии с терминами, обозначающими разновидности речевых актов. Учитывая всё вышесказанное, мы выдвигаем гипотезу: коммуникативы как единицы экспрессивного синтаксиса должны быть противопоставлены по ряду дифференциальных признаков коммуникемам как единицам лексико-фразеологического уровня языка.

Коммуникативы выражают интенции говорящего, выполняют речеактовые функции, обязательно предполагают или «иллокутивно вынуждают» соответствующую реакцию со стороны слушающего, например, *Вот ещё!* – экспрессивный отказ, ответная реакция на просьбу. Коммуникемы экспрессивно выражают эмоции, не являются речевыми актами, не предполагают обязательной реакции со

стороны адресата, которого может и не быть, например, *Вот это да!* – экспрессивное выражение удивления или восхищения.

Наше внимание будет направлено на непредикативные высказывания, получившие распространение сегодня в разговорной речи. В работе используются термины *коммуникатив*, *метакоммуникатив* и *коммуникема*, поскольку проводится их дифференциация на том основании, что коммуникативы обладают неноминативной, непонятийной, семантикой и характеризуются нечленимостью, выполняют воздействующую регулятивную функцию, что позволяет причислять их к речевым актам. Метакоммуникативы, в отличие от коммуникативов, выполняют метатекстовые функции и не имеют коммуникативной направленности на адресата. Коммуникемы передают фактуальную информацию, манифестирующую речевое реагирование как органическое свойство человека, его психики. Интегральными характеристиками этих единиц будут: 1) их формирование на основе десемантизированной полнозначной лексики; 2) тесная связь с контекстом и ситуацией; 3) их семантика характеризуется модусной составляющей и сводится к категории «отношение», однако характер этого отношения различен; 4) эти единицы являются непредложенческими, непредикативными и неноминативными единицами.

Коммуникативные экспрессивные синтаксические единицы представляют собой довольно пёструю совокупность разнообразных единиц языка, неоднозначно квалифицируемых учёными. Исследование этих единиц, изучение истории их образования, их семантики и функционирования в разных дискурсах является чрезвычайно актуальным.

Проблема структуры, семантики и прагматики подобных построений характеризуется определённой сложностью. Она заключается в том, что в современной языковой ситуации, когда разговорная речь проникает в средства массовой информации, публицистику, человеку – носителю иной речевой культуры – невозможно адекватно интерпретировать речь ведущих телепрограмм и гостей разнообразных ток-шоу. Так, в передаче «Пусть говорят» от 05.12. 2012 года писатель Лена Ленина обратилась с просьбой к ведущему Андрею Малахову: *«Дайте ей рассказать свою историю, ёлки-палки!»* Данная коммуникема является просторечным экспрессивным эвфемизмом, выражением самых разнообразных иногда полярных эмоций: досады, разочарования, удивления, порицания, радости, гнева и даже восхищения.

Необходимо отметить, что в современном русском общении наблюдается тенденция к увеличению количества указанных коммуникативных сочетаний с имплицитной семантикой, что свидетельствует о стремлении к экономности, эмоциональности и высокой степени экспрессивности речи. Речевая деятельность человека строится преимущественно на использовании готовых коммуникативных единиц, Люди обязательно будут прибегать к разнообразным схемам, шаблонам, клише. Без владения такого рода стереотипами речевого общения межнациональное речевое взаимодействие всегда будет затруднено.

Как известно, русская устная живая разговорная речь вызывает серьёзные затруднения в её понимании носителями других языков, даже при хорошем владении его литературной формой существования. Определённые трудности в русскоязычной среде испытывают китайские граждане, «поскольку, как считает Т.П. Григорьева, их

речевое поведение развивалось в значительной мере как этико-эстетическая категория, хранящая и сегодня следы былых церемоний и ритуалов» (Григорьева 1983:75-76).

Библиография по анализу разговорной речи и диалогу чрезвычайно обширна. В отечественном языкознании его изучение восходит к работам Л.В. Щербы, О.Г. Винокура и Л.П. Якубинского, Н.Ю. Шведовой и И.П. Святогора, Г.В. Валимовой и М.Л. Михлиной, А.Р. Балаяна, Г.Е. Крейдлина, О.Б. Сиротининой, Е.А. Земской и многих других учёных.

В рамках концепции коллективного труда, выполненного под руководством Е.А. Земской, разговорная речь определяется как непосредственное персональное общение, предполагающее ситуационную обусловленность речи, опору на общность апперцепционной базы говорящих (Русская разговорная речь, 1973:310). Противопоставляя разговорную речь «кодифицированному литературному языку» в целом, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, Е.В. Красильникова, Е.Н. Ширяев основываются на следующих параметрах: 1)неподготовленность речевого акта; 2)непринужденность речевого акта; 3)непосредственное участие говорящих в речевом акте. Наиболее существенным авторы считают параметр непринужденности, основанный на неофициальном характере отношений, отсутствии установки на официальное общение и условий, нарушающих неофициальность (Русская разговорная речь, 1973:11). Именно эти качества, вероятно, имеет в виду В.Д. Девкин, вводя в определение разговорной речи понятие сниженности: "разговорная - это непринужденная, спонтанная, устная, преимущественно ситуативно обусловленная, чаще диалогическая и несколько сниженная речь" (Девкин 1974:5).

С несколько иной, нежели у названных авторов, трактовкой разговорной речи связаны работы О.Б. Сиротининой (Сиротинина 1983, 1992). Отмечая противопоставление разговорного и кодифицированного языка, принятое в серии монографий по разговорной речи Института русского языка АН СССР под редакцией Е.А. Земской, О.Б. Сиротининой, авторы считают недостаточным отождествление устности и разговорности речи, а также вышеизложенное противопоставление, поскольку «результаты наблюдений показывают, что устная речь не является функционально единой. В ней явно выделяется разговорная речь с основной функцией повседневно-обиходного общения, профессиональный диалог, отличающийся ярко выраженной профессиональной направленностью, и монологическая речь (коллективная и публичная)» (Сиротинина 1992:142). Отталкиваясь от понятия функционального стиля, автор основывается на оппозиции разговорного, научного, официально-делового, публицистического стилей и в результате выходит на противопоставление форм (устная и письменная), видов (диалогический и монологический) и типов (бытовой, нейтральный, книжный) речи (Сиротинина 1973:8). Таким образом, по О.Б.Сиротининой, превалирующей характеристикой разговорной речи является ее устность и повседневно-обиходная функция.

С учетом разноплановости признаков разговорной речи связана теория Н.А.Шигаревской, понимающей под разговорной речью одну из функционально-стилевых разновидностей общенационального языка, являющейся средством общения образованной части населения в неофициальных условиях (Шигаревская 1970:11).

Называя основной объект своих исследований устно-разговорной разновидностью современного русского литературного языка, О.А.Лаптева членит разговорную речь на непубличную повседневную

обиходно-разговорную речь бытового назначения и речь повседневных публичных коммуникаций (Лаптева 1976:96). Главный акцент, который делает исследователь, связан с признанием скорее системно-языкового, а не функционально-стилистического статуса разговорной речи. Будучи носителем данного статуса, литературная разговорная речь подвержена действию кодифицированного литературного языка. Основными в концепции О.А. Лаптевой являются следующие утверждения. Разговорная речь - это, прежде всего, речь устная и спонтанная. Разговорная речь противопоставлена специальной письменной речи (Лаптева 1992:148-159).

С более емкой трактовкой разговорной речи связана концепция Ю.М. Скребнева. По мнению ученого, разговорная речь - это субъязык, обслуживающий сферу обиходно-разговорного общения. Ее отличает: устный характер речевого продуцирования; бытовая тематика; стереотипность речевых актов; диалогическая форма языкового общения; зависимость от внеречевой деятельности участников; спонтанность, вызываемая потребностью в незамедлительной языковой реакции; эмоциональная насыщенность; непосредственность общения; неофициальность отношений между участниками речевого акта (Скребнев1985:40).

Подытоживая приведенные выше во многом совпадающие теоретические выводы, отметим, что наиболее значимыми для нас являются критерии устности, неофициальности, спонтанности, тематической разнородности, эмоциональной насыщенности, диалогической оформленности. Мы не останавливаемся на дискуссионных вопросах по данной теме, так как она лишь опосредованно связана с интересующим нас жанром беседы.

Не останавливаясь на проблеме статуса разговорной речи, отметим, что с учетом разнообразных концепций объем понятия

«разговорная речь» толкуется неоднозначно: «во-первых, это любая речь, проявляющаяся в устной форме (научный доклад, лекция,); во-вторых, это устная речь города; в-третьих, это устная бытовая речь городского населения; и наконец, в-четвертых, это непринужденная речь носителей литературного языка» (Русская разговорная речь, 1973:3). Заметно сужение объема понятия в каждом следующем толковании. Узкая трактовка феномена разговорной речи связана с бытовой речью носителей литературного языка. Именно такое понимание разговорной речи избирается базовым в настоящей работе.

Специфические синтаксические единицы, являющиеся элементами диалогического дискурса, изучаются также достаточно активно (см. труды О.А. Лаптевой, А.П. Сковородникова, Т.Н. Колокольцевой, И.И. Прибыток, В.Н. Шаронова и др.). Указанные единицы обладают высокой степенью выражения интенциональных смыслов, прагматически нагружены, что чрезвычайно затрудняет их понимание носителями других языков и приводит к коммуникативным неудачам.

По справедливому мнению О.А. Лаптевой, «специфические устно-разговорные синтаксические построения возникают в условиях устной речи, благодаря действию некоторых универсальных принципов организации устного высказывания» (Лаптева 1976:119). Одним из таких принципов оказывается отсутствие предварительного обдумывания, что способствует появлению клишированных, автоматически воспроизводимых структур в виде готовых формул. Под клишированными построениями обычно понимают речевые шаблоны, возникающие в речевом потоке в условиях высокочастотных повторяющихся коммуникативных ситуациях, которые тоже можно охарактеризовать как стандартные. Например: *Была не была!* при выражении решимости попробовать что-либо сделать, предпринять.

Дискурсивные элементы языка, к которым относятся и нечленимые экспрессивные сочетания, находятся в ядре научных интересов А.Н. Баранова, Г.Е. Крейдлина, И.М. Кобозевой, Д.Н. Шмелёва и др. Прагматический подход к анализу указанных единиц помогает понять их дискурсивную роль и интенциональную направленность в диалоге.

А.Н. Баранов под дискурсивными словами понимает «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушателю, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т.п.» (Баранов и др. 1993). Прагматика дискурсивных слов связана с выполнением речеактовой, метатекстовой и регулятивной функций. Диффузность их семантики обусловлена жёсткой зависимостью от контекста. Генетически дискурсивные слова восходят к разным частям речи. В.М. Белова подчёркивает, что «фактически их ядро составляют модальные слова, выражающие значения субъективной модальности». Исследователь выяснила, что «число модальных слов составляет 75,8 % от общего числа анализируемых единиц; союзы – 8,1 %, частицы – 6,5 %, наречия – 9,7 % (Белова 2011: 52). Прагматический подход к анализу такого рода единиц помогает понять их дискурсивную роль и интенциональную направленность в диалоге.

Диалогическая речь характеризуется действенностью (Е.М. Лазуткина 1996:107), а значит, высоким прагматическим потенциалом. Кроме этого, она обладает и высоким экспрессивным потенциалом. В рамках диалогического дискурса происходит обмен репликами

коммуниантов, что обеспечивает мену ролей «говорящий – слушающий» или «адресант – адресат».

Под диалогическим дискурсом мы понимаем устно-разговорное произведение, не имеющие отчётливо выраженной текстовой организации. Некоторые лингвисты под дискурсом понимают коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов. О правомерности использования термина «диалогический дискурс» писал В.Н. Шаронов (1997).

М.Н. Колокольцева под диалогическим дискурсом понимает «результат совместной коммуникативной деятельности двух или более индивидуумов, включающий помимо собственно речевого произведения определенный набор экстралингвистических признаков, обеспечивающих адекватное понимание сообщаемого» (Колокольцева 2001:25).

Диалогический дискурс, с точки зрения своей синтаксической организации, характеризуется структурной неполнотой, на что неоднократно указывали его исследователи (Мизлина 1953: 5). Именно она, по И.П. Святогору, и есть его специфика в виде синтаксической неразвёрнутости (Святогор 1960), или, как считает О.Б. Сиротина, – эллиптичности (Сиротина 1974:101).

Эллиптичность – «один из принципов построения разговорного текста. Опускается все, что может быть опущено. Этот принцип экономии действует в разговорной речи на всех уровнях языковой системы, но особенно ярко проявляется он в синтаксисе. Фактически в разговорной речи не встречаются ни полные предложения, ни вообще полная реализация валентностей слова» (Сиротина 1974:101).

В последние двадцать с лишним лет появились работы, в которых затрагиваются вопросы прагматики диалога. Это работы Н.Д. Арутюновой (1990, 1992, 1998), Баранова, Крейдлина (1992), Н.Г. Добрушиной (1998), Н.А. Коминой (1984, 1987), Макарова (1998), Формановской (1998) и др.

Н.А. Комина, например, справедливо отмечает: «Именно в диалогической речи можно наблюдать непосредственную связь коммуникативного намерения говорящего и результата его речетворческого процесса» (Комина 1984:5).

Н.И. Формановская подчеркивала сложность взаимодействия интенции/иллокуций, эмоций и оценок коммуникантов, при этом, естественно, возникает проблема понимания, интерпретации смыслов разговорных построений, вопросы адекватных реакций в репликах (Формановская 1998:213).

Особое внимание в данном исследовании будет направлено на реплики-реакции, поскольку именно в этой позиции наиболее частотны интересующие нас экспрессивные синтаксические построения: коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы. Ответные реплики являются обязательным условием интеракции, поскольку для осуществления взаимодействия необходимо наличие двух собеседников. Именно поэтому мельчайшей смысловой и структурной единицей диалога выступает единство инициальной (стимулирующей) и реактивной реплик, что и составляет минимальное диалогическое единство. «Коммуникативный процесс – это двусторонняя речевая деятельность, где выделяются план говорящего и план слушающего» (Герасимова 1086:44). Акт одностороннего обмена речевыми действиями возможен и тогда он образует простую интеракцию или, по

И.П. Сусову, интерактивный блок, который состоит из коммуникативных шагов или ходов (Сусов 1984:67).

Принято считать, что один инициальный ход «иллокутивно вынуждает» ответный (реактивный) ход. Такие речевые ходы составляют структурно-содержательные единицы минимального диалога, которые рассматриваются в данном исследовании. Об иллокутивном вынуждении писали А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин (1992). Благодаря иллокутивному вынуждению и формируется диалогическое единство.

Н.А. Комина так определяет понятие диалогического единства: «Оно представляет собой связную последовательность речевых действий, образующих разновидность сложного речевого акта – интерактивное или диалогическое действие. Диалогическое единство – простейшая разновидность блока речевых действий (или блока коммуникативно-прагматических типов высказываний). Под блоком понимается связная последовательность простых или интегративных коммуникативно-прагматических типов высказываний, единичный обмен партнёров по общению речевыми действиями» (Комина 1986:60).

Речеактовое взаимодействие речевых ходов в диалогическом блоке проявляется достаточно ярко, поскольку ответная реплика ориентирована не столько на пропозициональное содержание, сколько на интенцию, с которой она произнесена. Такими блоками будут, например, последовательности однотипных реплик: утверждение – согласие, утверждение – подтверждение, сообщение – возражение или отрицание услышанного, вопрос – ответ – всё это и представляет собой межрепликовые блоки. Ответ, например, отражает соответствующее вербальное действие, вызываемое (иллокутивно вынуждаемое) предшествующим речевым актом – вопросом.

Адекватная реакция слушающего сигнализирует о том, что предшествующее утверждение было понято и его значение тем или иным образом оценено. Экспрессивные синтаксические построения разного рода, анализируемые в данной работе, призваны быть показателями того, как воспринято то или иное высказывание, реализованное коммуникативами и коммуникемами.

Важными оказываются и такие понятия, как «непроизвольность» и «осознанность» речевого поведения.

Семантику непроизвольности речи рассматривала Н.О. Арутюнова. Она писала: «Существует несколько разрядов действий, над которыми не властен человек. Это действия – реакции... Непроизвольные реакции имеют причину, но не цель. К ним не может быть поставлен вопрос *Для чего?*. Применительно к ним, вопрос *Что я делаю?* заменяется вопросом *Что со мной происходит?*» (Арутюнова 1999:799). Такие действия коренятся в подсознательной сфере человеческой психики.

К.Ф. Седов, разграничивая осознанное и неосознанное в речевой деятельности, дифференцирует и понятия дискурсивной деятельности дискурсивного поведения. «Под дискурсивной деятельностью понимается разновидность речевой деятельности, направленной на осознанное и целенаправленное порождение целостных речевых произведений. Более широкое понятие дискурсивного поведения, включая в себя, кроме осознанных и целенаправленных, речевые поступки произвольные и не вполне контролируемые» (Седов 1999:9-10).

С понятием непроизвольности связано понятие спонтанности. Подавляющим большинством ученых спонтанность рассматривается как имманентное свойство разговорной речи (см. работы Н.Ю. Шведовой (1960); Е.А. Земской (1970); О.Б. Сиротининой (1974);

Кожиной (1977); Е.Н. Ширяева (1980); А.П. Сковородникова (1985); Н.А. Купиной (1997) и др.)

Благодаря качеству спонтанности (неподготовленности) разговорная речь стала самостоятельным лингвистическим объектом. Определение разговорной речи дано О.Б. Сиротининой: «Разговорная речь – неофициальная речь в условиях непосредственного общения, следовательно, заранее неподготовленная, диалогическая, устная» (Сиротинина 1970:141). Спонтанность (от лат. Spontaneus – самопроизвольный, добровольный, произвольный) (БЛС 1963, Т 14, с.561).

Остается только присоединиться к мнению И.Н. Борисовой о том, что такие определения по отношению к разговорной речи являются некорректными. Ссылаясь на М.М. Бахтина (1979), исследователь пишет о том, что «диалогическая природа разговорной речи связана с тем, что она всегда реактивна, является откликом на присутствие партнера по общению, на его точку зрения, на его воздействие» (Борисова 2005:100). Действительно, спонтанность речи должна пониматься как неподготовленность заранее. Спонтанность разговорного взаимодействия мы будем понимать как экспромтность, импровизированность и импульсивность выбора тактик речевого поведения, в отдельных случаях как непредсказуемость и речевой автоматизм. Такая степень спонтанности, неподготовленности речи характеризует неофициальные бытовые диалоги в непринужденной сфере коммуникации. Что касается материала телевизионных ток-шоу, то речевое поведение коммуникантов в указанном формате становится частично подготовленным при импровизированной форме выражения. «Телевизионные программы диалогического типа построены на дискуссиях телеведущих и их гостей, которые состоят не только из

обмена краткими репликами, но и значительных по времени рассуждений одного лица. Дискуссия не может вестись по заранее написанному сценарию и говорящий не может готовиться к высказыванию, а должен реагировать на стимул. Смена реплик нередко сопровождается частой сменой тематики, но этот обмен мнениями остаётся диалогом» (Федотова 2006:277).

Необходимо остановиться и на понятии «речевой поступок».

Речевой поступок – это адресованное речевое действие, которое имеет форму языкового выражения (план выражения) и некий коммуникативный смысл (план содержания). Точнее было бы назвать: прагматический план содержания.

В след за А.А. Леонтьевым, под коммуникативным смыслом мы понимаем «отношение мотива коммуникативного поведения к цели, интенции речевого поступка. Речевая интенция всегда опосредована личностными смыслами, которые формируют решение коммуниканта о характере высказывания» (Леонтьев 1997:137). И.Н. Борисова так определяет коммуникативный смысл и речевой поступок: «коммуникативный смысл речевого поступка определяется как отношение мотивирующего речевой поступок состояния коммуниканта к избранной для его манифестации речевой интенции. В этом аспекте речевой поступок есть экстериоризация, то есть переход внутренних мыслей, психологической деятельности, во внешнюю регулятивную деятельность, мотивирующую коммуникативное состояние человека (его воли, мысли, эмоции) в адресованное партнеру коммуникации речевое действие» (Борисова 2005:151). Все эти процессы происходят в рамках диалога, точнее, в вопросно-ответном единстве как минимальной диалогической единице.

Выводы

Неоднозначность толкований многочисленных и многофункциональных экспрессивных синтаксических конструкций заставляет обратиться к сложной проблеме дифференциации и систематизации этих уникальных и коммуникативно значимых единиц русского языка и речи.

Обзор лингвистической литературы позволил обнаружить неоднозначность квалификации нечленимых синтаксических построений, большое разнообразие их наименований, что не позволяет определить их терминологически точно и однозначно при чрезвычайной неоднозначности выполняемых ими функций.

В результате анализа имеющихся описаний значений и функций экспрессивных синтаксических сочетаний было установлено, что указанные единицы в последнее время квалифицируются двояко: то как коммуникативы, то как коммуникемы, хотя обладают многими как общими, так и различными функциональными признаками.

По нашему мнению, основными функциями экспрессивных сочетаний являются: речеактовая, метаязыковая и эмоционально-оценочная функции. Речеактовая функция закрепилась за коммуникативами; метаязыковая – за метакоммуникативами; экспрессивно-оценочная – за коммуникемами.

Глава 2

Функционально-семантическая и прагматическая характеристика коммуникативов

Каждое экспрессивное коммуникативное сочетание как синтаксическая единица обладает неповторимой функционально-семантической характеристикой и требует «штучного анализа каждого в отдельности детального исследования» (Иомдин 2003:1). Л.Л. Иомдин относит эти сочетания к области малого синтаксиса. Как уже было отмечено в первой главе настоящего исследования, коммуникативы способны передавать разнообразные модусные значения, связанные с субъективной сферой говорящего и со специфическим интонационным оформлением. Они являются ответными репликами в диалогическом дискурсе и представляют собой целенаправленное речевое действие, что делает их подобными речевым актам. Ответные вторичные реплики-реакции обуславливают тональность общения, интеракцию в целом, в них складывается семантика таких коммуникативных категорий, присущих речевым актам, как согласие, возражение, отказ и др. «В них обозначилась область вторичных предикатов и прежде всего предикатов истинностной оценки (подтверждения и отрицания)» (Арутюнова 1990:176). Категориальным значением коммуникативов является значение отношения к содержанию реплики-стимула. Формируется оно с опорой на объективную сторону функционально-семантической категории модальности, но выражает субъективное отношение к собеседнику, заключенное в интенции реплики-реакции. Коммуникативы формируют речевые акты согласия/несогласия и маркируют конечный перлокутивный эффект, который может оказаться

как успешным, так и неуспешным. Различного рода модификации коммуникативов выражают различные дополнительные оттенки и коннотации значений согласия/несогласия.

1. Коммуникативы, передающие семантику согласия

О.В. Озаровский считает, что согласие – это констатация «тождества...трех точек зрения разных (обычно двух) субъектов речи относительно какого-либо явления действительности» (Озаровский 1974:70). Однако согласие не всегда может быть интерпретировано только как согласие, считает Т.Н. Колокольнева. «Между согласием и несогласием существует зона переходности» (Колокольнева 2001:72). К согласию часто присоединяется оценочное отношение и оно пересекается с подтверждением (Сотникова 1987:58).

Коммуникативная категория согласия/подтверждение исследовалась в работах О.В. Озаровского 1974, Н.И. Поройковой 1976; А.А. Сотниковой 1987, И.В. Галактионовой 1988, 1955; Т.Г. Михальчук 1989; Г.В. Матвеевой 1994 и др. На категорию «согласие» обращал внимание М.М. Бахтин, который подчеркивал, что это «одна из важнейших форм диалогических отношений. Согласие очень богато разновидностями и оттенками» (Бахтин 1929:304).

Т.Г. Михальчук выделяет следующие виды согласия: "шутливое, патетическое, вынужденное, ложное, неодобрительное, ироническое", то есть согласие может быть только по форме, а по содержанию оказывается несогласием (Михальчук 1989:36).

В работе М.В. Баделиной показано, что согласие может быть полным и неполным. Полное согласие имеет частные значения: согласие-подтверждение; согласие-одобрение; согласие-разрешение; согласие-обещание; согласие-договор; согласие-упреждение;

продуманное согласие, единодушное согласие и т.п. К неполному согласию исследователь относит частичное согласие, вынужденное согласие, согласие-уступку и т.п. (Баделина 1998). Все эти разновидности подтверждают сложность и многообразность указанного значения коммунитивных экспрессивных единиц, которые могут быть установлены, по нашему мнению, только с опорой на широкий контекст их употребления и на интонационный рисунок всего высказывания.

Каким бы отношениями в живой разговорной речи ни обогащалось базовое значение согласия, оно всегда будет служить средством гармонического развития диалога, что считаем эталоном речевого диалогического взаимодействия.

Согласие реализуется в речи, в виде частных значений подтверждения и разрешения.

В работах А.А. Акишиной, Н.И. Формановской (1979:84,97), И.В. Галактионовой (1988:45), М.Я. Гловинской (1993:204-205) дифференцируются два вида согласия:

- 1) согласие с мнением;
- 2) согласие как реакция на побуждение

«Согласие – это сложное коммуникативное значение, включающее модусную и аксиологическую составляющие. Согласие – это констатация правильности или приемлемости мнения собеседника, оценка этого мнения как соответствующего действительности, выражение сходства позиций, взглядов коммуникантов» (Колокольцева, 2001:74; Галактионова, 1988:145).

А. Вежбицка так представляет прагматическую (интенциональную и перлокутивную) сущность согласия: «Я согласен с тобой = «Желая сделать так, чтобы ты знал, думаю ли я так же, как ты, я говорю: я думаю, что ты прав» (Вежбицкая 1985:272).

Согласие возможно в случае сходства взглядов, мнений, а также при условии гармоничного развития диалога, «симпатии» между собеседниками.

Таким образом, согласие – это, во-первых, констатация правильности мнения собеседника, положительная оценка этого мнения как соответствующего действительности, выражение и подтверждение общности взглядов. Во-вторых, это положительный ответ-реакция на любое побуждение (вопрос, предложение, просьбу, приказ и т.д.). Оно всегда возникает в рамках двух высказываний, и не обязательно являющихся репликами диалога и принадлежащих разным лицам. Однако типичный случай реализации согласия – это диалогическое единство вопросно-ответной формы, диалогический дискурс.

Рассмотрим коммуникативы, реализующие семантику согласия.

Большую роль в реализации согласия, подтверждения и разрешения играют следующие коммуникативы: *а как же, ещё бы, (да, ну) ладно* и их синонимы: *а то, а то нет, ещё бы нет, не вопрос, по рукам, само собой, не то слово* и др.

Коммуникатив *как же* может функционировать в качестве подтверждения информации и является синонимом литературному слову "конечно", В.Н. Шаронов отмечает, что этот коммуникатив «обычно является реакцией на вопрос или сообщение собеседника, истинность которого говорящий поддерживает на основе личного опыта. Произнося этот коммуникатив, говорящий как бы «кивает наоборот», то есть слегка откидывает голову назад и затем возвращает её в исходное положение» (Шаронов 1996:56). Наши наблюдения за общением русских людей подтверждают слова учёного.

Обычно коммуникативы согласия представляют собой непосредственную реакцию на любой вопрос.

- *Ты моих тапок случайно не видел?*

- *Как же, как же! Видел!*

(Из разг. речи)

- *У моей тётки, помнишь, Пороховниковой, на Пречистенке маленький особнячок? Напротив ещё палисадничек?*

- *Как же, знаю, знаю!*

(М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»)

В русском общении чрезвычайно широко используется модификация рассматриваемого коммуникатива. Его вариант *а как же* начинает реализовывать значение согласия в тех случаях, когда реплика-стимул представляет собой косвенный речевой акт побуждения и имеет форму вопросительного высказывания.

Так, косвенное предложение иллокутивно вынуждает согласие:

- *Ты хотел бы поехать в Сочи на олимпиаду?*

- *А как же! Конечно, хотел бы.*

(Из разг. речи)

Этот коммуникатив используется как реакция на вопрос, который спровоцирован репликой-стимулом, вызвавшей удивление:

- *Мы с Алёшей напекли печенье уже.*

- *И Алёша печёт печенье?*

- *А как же!*

(Русская разговорная речь 1978:244)

Реакция на реплику-стимул, в которой содержится вопрос-уточнение.

- *Я так рада что ты успел. На такси? Да?*

- *А как же!*

(Д. Драгунский. «Последний вагон»)

- *Водка есть?*

- *А как же!*

(к/ф «Дежа вю»)

В этих примерах коммуникатив передаёт значение уверенного согласия. В этом смысле интересен заголовок в форме диалога в журнале «Огонёк», №52 за 2008 год:

- Будет ли глобальное наводнение? - А как же!

Этот случай напоминает старый анекдот: *- Доктор, я умру? – А как же!*

В данном случае коммуникатив *а как же* свидетельствует о достоверности события, возможного в будущем, то есть является подтверждением того, о чём был запрос информации.

- Пойдём на лекцию?

- А как же!

(Из разг. речи)

В этом примере коммуникатив подчёркивает необходимость планируемого действия. Вопросительная реплика-стимул свидетельствует о необязательности его выполнения.

Модифицированный коммуникатив *а то как же* используется при желании говорящего рассеять сомнение при подтверждении содержания предшествующего вопроса или ранее высказанной мысли.

- Ты читала Булгакова?

- А то как же!

(Из разг. речи)

В ответной реплике содержится уверенное подтверждение положительного содержания ответа. Вот ещё несколько примеров:

- Бабуля! Ты чего там, уснула что ли? Нашла, что ли пластинки?

- А то как же! Все нашла! Иду

. (Л. Скорик. «Анфисин патефон»)

- Ты разве косил сено?

- А то как же!

(П. Егоров. «Практикант»)

Уверенным согласием, выраженное коммуникативом *а то как же* делает именно местоимение *то*. Ср.:

1) – *Ты хоть написать-то успел? – А как же!*

2) – *Ты хоть написать-то успел? – А то как же!*

Пример (2) демонстрирует более уверенную реализацию интенции согласия. Вообще частицы *же, ну*, местоимение *то* усиливает степень интенсивности иллокутивной цели и способствует возрастанию экспрессии.

Вариантами коммуникатива *а как же* выступают следующие экспрессивные построения, также выражающие положительный ответ, то есть согласие с разной степенью категоричности: *еще бы, еще как, а то нет*.

- *Она выйдет за него замуж?*

- *Ещё бы!*

(Из разг. речи)

Коммуникатив *ещё бы* возникает при подчеркивании наличия основательных причин для замужества: был бы странным отказ от него.

- *Она его любит?*

- *Ещё бы!*

(Из разг. речи)

- *Сейчас нужно много денег Дальнему Востоку.*

- *Ещё бы! Миллиарды!*

В данных контекстах реплика-реакция возникает на реплику-стимул вопрос, утверждение, предположение. Коммуникатив реализует интенцию подтверждения содержания информации реплики-стимула.

Иногда в ответной реплике-реакции используется целый ряд коммуникативов с семантикой согласия:

-Он был индологом и часто ездил в Индию.

-Да-а, ну конечно. Как же! Ещё бы! Очень широкие у него были горизонты!

(Русская разговорная речь 1978:81)

Вариантом рассмотренного коммуникатива является коммуникатив *ещё как* Он выражает согласие-подтверждение более интенсивно.

- Неужели ты можешь быть злой!

- Ещё как!

(Из разг. речи)

то есть да, я могу быть очень злой.

- Тебя наказывали в детстве?

- Ещё как!

(Из разг. речи),

то есть да, меня очень строго наказывали. Таков имплицитный смысл этих коммуникативов.

Некоторые модификации коммуникативов, репрезентирующих согласие разных видов, представляют собой в большей степени разговорно-сниженные и просторечные образования, к ним относятся: *а то нет, таки-да!* Все они выражают утвердительный ответ на вопрос, содержащийся в реплике-стимуле, или подчеркивают невозможность, недопустимость никакого другого действия, кроме того, которое содержится в реплике-стимуле.

- Ты сегодня ел?

- А то нет?

(Из разг. речи)

- Неужели ты всё это успел сделать за один день?

- А то нет?

(Из разг. речи), то есть: иначе быть не могло.

Этот коммуникатив делает положительный утвердительный ответ чрезмерно категоричным. Категоричность как прагматическая категория коренится в характере диалогического взаимодействия. Она может быть связана с более высоким статусом адресата, с его индивидуальными психологическими особенностями, например, с уверенностью в истинности своего мнения.

Для подчеркнутого согласия в рамках утвердительного ответа используется коммуникатив *ну да*.

- Ты заходил к нему проведать?

- Ну да!

(Из разг. речи)

- В этой папке у меня всё записано: кто бегун, кто прыгун, кто пльвун...

- Пловец, в смысле?

- Ну да!

(к/ф. «Штрафной улар»)

- Вы давно его знаете?

- Ну да!

(Из разг. речи)

- Ты говоришь, уже утки улетели?

- Ну да!

(Из разг. речи)

- Красивая, нарядная жена украшает мужа.

- Ну да! Точно так же, как и умный, богатый муж – свою жену!

(Из разг. речи)

- Ты устал?

- Ну да! Немного

(Из разг. речи)

-Красивая, нарядная жена украшает мужа.

-Ну да! Вы понимаете, как надо украшать людей!

(В.Шукшин. «Мой зять украл машину дров!»)

- Будем обедать?

-Ну да!

(Русская разговорная речь 1978:153)

-Портнова скоро будет, вероятно, защищать диссертацию?

-Ну да!

(Там же)

Коммуникатив *ну что ж* выражает одобрение или согласие с совершением какого-либо действия собеседника, однако после раздумий, взвешивании всех за и против. На наш взгляд, такое согласие подобно разрешению и аналогично книжному литературному выражению разрешения: «не возражаю».

К.А. Оразалинова такое коммуникативное интенциональное содержание называет "согласием-уступкой". В таких коммуникативных ситуациях адресант не имеет искреннего желания «выполнять предписывание ему действия, но все-таки поддается требованиям адресата» (Оразалинова 2012:83) Кстати, этого коммуникатива нет в словаре эмоционально-экспрессивных оборотов «живой речи» В.Ю. Меликяна.

Бывают такие коммуникативные ситуации, когда коммуникатив *ну что ж* обогащается дополнительными смыслами, например, обиженного, вынужденного согласия или согласия с неизбежным и печальным проявлением:

- Ты все-таки поедешь туда?

- Да!

- Ну что ж! Как хочешь.

(Из разг. речи)

Ну что ж! Значит теперь эта терминология на букву «Ж» стала приемлемой на Первом канале.

(В. Соловьёв. Программа «Поединок»)

Следующий пример демонстрирует выражение семантики согласия, но с некоторым условием, содержание которого раскрывается в последующем за коммуникативом *ну что ж* высказывании:

- Марья Филипповна собирается к нам в гости.

- Ну что ж! Будем очень рады, только чтоб не случилось так, что она придет, когда меня дома нет.

(Русская разговорная речь. Тексты:33)

Семантика вынужденного согласия с чем-то неизбежным, чем-либо печальным характерна для поэзии, лирики.

Ну что ж, ну что ж,

Как на ладони медный грош,

Прощаюсь я, прощаешь ты.

Разводят сонные мосты.

(А. Петров)

Известно название стихотворения И. Бродского: *Воротись на родину. Ну что ж...*

В интернете было объявлено мероприятие под названием: *Ну что ж! конец света, давай, до свидания!* - Это реклама вечеринки (http://vk.com/doumsday_1eroc).

У В. Маяковского есть стихотворение под названием *Ну что ж!* где есть такие строки:

Ну, что ж!

Бурна вода истории.

Угрозы и войну.

Мы взрежем на просторе,

Как режет киль волну. (1927)

Разговорное экспрессивное коммуникативное сочетание *Ну что ж!* довольно частотно именно в поэзии, что придаёт ей разговорность.

Ну что ж, прощай, дороги разные у нас.

Судьба связала не навечно, а на час.

(В. Гатнутдинова (<http://violasinger.narod.ru>))

Что касается коммуникатива *да уж* то в словаре В.Ю. Меликяна «эмоционально-экспрессивные обороты речи» (2001) он фиксируется и подается как «выражение разочарования, досады, неодобрения и негативной оценки» (В.Ю. Меликян 2001:82). В нашем материале обнаружены контексты, в которых указанный коммуникатив реализует интенцию согласия-подтверждения как реакцию на реплику-стимул, содержащую негативную или неприемлемую для слушающего ситуацию.

– *Много вашего брата полегло.*

– *Да уж!*

(Из разг. речи)

– *Вот тебе и полиция!*

– *Да уж!*

(Из разг. речи)

– *У нас вообще национальный праздник был в семье!*

– *Да уж, не дай бог такое опять перепить.*

(Разговорная речь, тексты)

– *Этот наряд никуда не годится.*

– *Да уж! В этом только в огород, да и то, чтобы никто не видел.*

(Программа "Модный приговор" 12.09.14)

– *Вот раньше было: мужчины из-за женщин дуэли устраивали.*

– *Да уж! Не те нынче бабы пошли.*

(Из разг. речи)

– *Сообщали, что один процент самых богатых людей мира увеличил свои доходы на 60% только за последние 20 лет.*

– *Да уж!*

(Из интервью на канале ТВ)

Коммуникатив *да уж* может выступать в качестве «согласительной» реакции на успокаивание, например:

– *До свадьбы заживет.*

– *Да уж! Конечно!*

(Из разг. речи).

В диалоге ведущих программу «Романтика романса» от 11 января 2014 года (канал «Культура») М. Максаковой и В. Белзы проскользнула легкая ирония, поскольку информация, содержащаяся в реплике-стимуле, воспринимается с долей юмора по поводу типичного поведения одесситов:

М. Максакова: *Если вы спросите коренного одессита, где находится какой-то дом, он вам долго будет рассказывать: «вот это дом Бабея, а это...*

В. Белза: *Да уж!»*

(Программа «Романтика Романса» от 11 января 2014 телеканал «Культура»)

Иронический подтекст этот коммуникатив реализует в разговорной речи довольно часто, когда адресат как будто бы подтверждает информацию, содержащуюся в реплике-стимуле, но при этом иронизирует.

– *Он здорово полетел.*

– *Да уж! Высший пилотаж.*

(Из разг. речи)

В более широком контексте речь шла об опасном падении подростка. Сама коммуникативная ситуация является некой лакмусовой

бумажкой, которая проявляет содержащуюся иронию в коммуникативе, поддержанную последующим контекстом. Если бы речь шла, допустим, об искусном полете истребителя, то коммуникатив *да уж* осуществлял бы единственно возможную в этом случае функцию согласия. В связи с этим, попробуем ответить на вопрос: какой денек выдался?

– *Хороший денек сегодня выдался!*

– *Да уж!*

(Из разг. речи)

Возможны две импликатуры:

а) действительно, замечательный денек;

б) денёк ненастный, плохой.

То же самое в следующем шуточном примере:

- *Кофе, водка, никотин!*

- *Мы здоровье победим!*

- *Да уж!*

(Студенческая частушка)

Появление коммуникатива с тем или иным коммуникативным имплицитным смыслом зависит от многих факторов, в том числе от физического, психологического состояния говорящих. Ведь и адресат может или положительно, или негативно оценивать денек. В случае негативной оценки коммуникатив *да уж* однозначно выражает согласие с информацией, заключённой в реплике-стимуле, и диалог становится гармонизирующим.

Можно сказать, что этот коммуникатив выражает согласие с негативной оценкой ситуации, данной адресантом в реплике-стимуле.

– *Замечательный автомобиль, вот только пыхтит.*

– *Да уж!*

(Из разг. речи)

– *Вот тебе и полиция!*

– *Да уж!*

(Из разг. речи)

– *Посмотри, с какими лицами едут люди в метро!*

– *Да уж!*

(Из разг. речи)

Адресант негативно оценивает положение дел, ситуацию в целом. Адресат подтверждает эту оценку, возможно досадуя, но соглашаясь с такой оценкой. Не случайно в интернете есть рубрика с названием: *Да уж, бывает!* Под этой рубрикой собраны разнообразные смешные случаи, казусные ситуации, происходившие с людьми и с животными. Так что ни о каком выражении разочарования говорить не приходится. Коммуникатив *да уж* подобно синтаксемам, выступает в роли заголовка рубрики русского обозревателя в «Русской сети» [<http://www.rus.obr.ru/ru-web/12689>] (0.1.08.2011 в 13:45), посвященной всплеску рождаемости в Москве, о так называемом «беби-буме».

Коммуникатив *да уж* используется и для усиления, подчеркивания того, о чем шла речь в реплике-стимуле.

– *Вот раньше было: мужчины из-за женщин дуэли устраивали.*

– *Да уж! Не те нынче бабы пошли.*

(Из разг. речи)

– *Мы рады, – продолжал Остап, – встретить в этой тревожной обстановке преданного борца за родину. Киса гордо и процедил:*

– *Да-а-а, уж!*

(Ильф и Петров. «Двенадцать стульев»)

Адресат понимал ложность информации в речи Остапа Бендера, но соглашался с ним.

– *Представляешь, он сказал: «Достаточно» и попросил зачётку. Тут у меня камень свалился с души!*

– *Да уж!*

(Русская разговорная речь 1978:166)

– *Ну как отдохнули?*

– *Лучше не спрашивай! Мы десять дней были в Сочи, и дней семь,*

где-то, так лили дожди, грязь, холод, как осенью бывает. Вот тебе и море!

– *Да уж!*

(Там же)

В этом контексте реализуется ещё одна разновидность согласия – согласие-сочувствие, или сопереживающее согласие.

Другим коммуникативом, выражающим уверенное согласие, подтверждение, является сочетание *не то слово*.

В ответной реплике этот коммуникатив выражает согласие с оценкой чего-либо или кого-либо в целом, но при этом предложенная в реплике-стимуле оценка явления, состояния, качества или человека занижена, или завышена, недостаточна, по мнению адресата.

– *Сложные предстоят разговоры?*

– *Да не то слово! Такой волчара попался – за каждый цент зубами цепляется.*

(С. Данилюк. «Бизнес-класс»)

Коммуникативный смысл: «да, очень сложные!» Как правило, адресат, соглашаясь, добавляет те самые слова, которые, по его мнению, наиболее подходящие для той или иной оценки

– *Тебя радушно встретили?*

– *Не то слово! Приветствовали, аплодировали.*

(«Советский спорт» 2011.02.24)

Обычно коммуникатив *не то слово* используется для выражения согласия аналогично коммуникативам *да, конечно*.

– *Бабушка кричала, а дедушка соглашался с ней и вставлял что-нибудь вроде:*

– *Да, конечно. Не то слово!*

(П. Санаев. «Похороните меня за плинтусом»)

– *Тяжело снова входить в тренировочный режим?*

– *Не то слово! После отдыха всегда трудно начинать заниматься.*

(«Советский спорт» 2011.10.11)

– *Сложно было?*

– *Не то слово, жалуются медики.*

(«Косомольская правда» 2010.12.28)

– *Довольна?*

– *Не то слово!*

(Из разг. речи)

– *Сложные предстоят переговоры?*

– *Да не то слово! Такой волчара попался – за каждый цент зубами цепляется.*

(С. Данилюк. «Бизнес-класс»)

– *А вас раздражает навязчивая агитация?*

– *Раздражает? Не то слово!*

(«Косомольская правда» 2010.11.23)

– *Понравилось?*

– *Не то слово!*

(Из разг. речи)

– *На сцене все еще испытывает волнение?*

– *Не то слово! Особенно если идёт прямая трансляция по радио.*

(Интервью с А. Волочковой)

– *Он не дослушал меня.*

– *Недоверие?*

– *Не то слово. Он воспринял новость как глуповатую шутку.*

(Д. Гранин. «Месяц вверх ногами»)

- *Ваша дочь всегда такая принципиальная?*

- *Не то слово!*

(Из разг. речи)

– *География весьма актуальная наука, и очень обидно, когда с ней не считаются.*

– *Обидно – не то слово. Мне кажется, что надо искать более гневные определения.*

(«Наука и жизнь», 2008)

Разумеется, юный Боря не понимал этого тогда, а если слышал от других, то не слишком верил, он просто расстраивался очень, не то слово – он был в отчаянии от несправедливости и невезения.

(Там же)

Как видим, коммуникатив *не то слово* используется и в монологическом высказывании в метатекстовой функции.

Семантика согласия и подтверждения – согласия с высказанным мнением или намерением собеседника, а также вынужденного, нежелательного согласия в зависимости от контекстных условий репрезентирует коммуникатив *ну ладно* и его вариант *ну да ладно* иногда этот коммуникатив и его модификация совмещают в себе семантику согласия и разрешения, ведь разрешение можно интерпретировать как согласие с желанием говорящего.

«Принципиальной особенностью речевых актов разрешения (и как его антипода, запрещения) является то, что они взаимодействуют с

волей адресата. Они предполагают, имеют в качестве презумпции, что А хочет Р, собирается сделать Р, но чтобы сделать Р, нужна дополнительная санкция Г. Сила, эффективность этих речевых актов проистекает из «превосходства» Г» (Шатуновский 2000:320).

– *Я хочу выбросить эти старые вещи.*

– *Ну ладно!*

(Из разг. речи)

– *Позвони обязательно маме!*

– *Ну ладно, позвоню.*

(Из разг. речи)

– *Он, Саша Ильясов, и попросил разрешения привести своего друга, талантливого композитора Саранцева.*

– *Ну ладно! Пусть.*

(Д. Драгунский. «Светская хроника»)

Коммуникатив *ну ладно* выражая базовое значение согласия, свидетельствует о примиренческой позиции говорящего по отношению к поведению кого-либо или непосредственного собеседника.

Но, поскольку утром как штык он был на льду, Татьяна Анатольевна просто поджимала губы и говорила: «Ну ладно!»

(И. Рассказова. «Татьянин день Алексея Ягудина» // «Советский спорт», 2011.01.25)

В последнее время все большей популярностью пользуется коммуникатив *а то*. Этот коммуникатив стал модным, подобно согласию, уже привычному в русском общении, выраженному англицизмом *О'кей!* Возможно, это обусловлено тем, что данный коммуникатив позволяет говорящему снять официальность разговора, неловкость, которая могла бы иметь место в этой коммуникативной ситуации.

А. Малахов: *Можно войти?*

А. Нетребко: *А то!*

(Из документального к/ф об А. Нетребко, телеканал «Культура»)

Коммуникатив *а то* позволяет скрыть смущение и сразу перейти к дружеской (неофициальной) беседе.

Иногда коммуникатив *а то* выражает согласие в шутливой форме, нарушая постулат скромности Дж. Лича «Отклоняй от себя похвалы.»

– *Да вы прекрасно выглядите!*

– *А то!*

(Из разг. речи)

Адресат соглашается с мнением адресанта, но, конечно, шутя.

Явное согласие реализуется в следующем примере:

– *Ты будешь завтракать?*

– *А то!* (то есть конечно, не надейся, что откажусь от завтрака)

(к/ф «Мир для двоих»)

Коммуникатив возникает как производное от синтаксической структуры *А то нет?* Если сравнить эту экспрессивную ответную реплику-реакцию с типичной и обычной - *Да!*, то станет очевидно, что адресат не представляет себе ничего другого, кроме необходимого действия - завтрака. Возможно, ему странным кажется даже сам вопрос о нём в реплике-стимуле.

Удивил пример использования коммуникатива *а то* для привлечения внимания реципиентов в рекламе:

А то! Здесь лучшая сувенирная продукция в Москве и области!

Иногда контекст позволяет выделить ещё одну разновидность коммуникативного смысла, передаваемого коммуникативом *а то*, что можно проиллюстрировать следующим примером:

- *А вы случайно не из N-ска?*

- *А то!*

(Д. Драгунский. «Год тигра»)

В данном примере к семантике согласия присоединяется эмоциональное субъективное отношение к некоему географическому объекту – N-ску. Эту эмоцию можно квалифицировать как чувство гордости.

Коммуникатив *так и быть* эксплицирует семантику затруднённого согласия, согласие-уступку. В результате использования данного коммуникатива адресат достигает некоторого компромисса. В живой русской речи этот коммуникатив обычно возникает в ситуации торга или спора.

- *Ой, а нельзя подешевле?*

- *Так и быть! Бери за сорок.*

(Из разг. речи)

- *Дай мне методичку.*

- *Так и быть! Но с одним условием: вернёшь на следующей неделе.*

(Из разг. речи)

Этот коммуникатив выражает согласие по необходимости или в угоду чьему-либо желанию. Он представляет собой застывшую форму инфинитивного предложения: «Пусть будет так!»

Готовность выполнить просьбу, а значит, согласиться с запросом просьбы выражается коммуникативом *без вопросов*.

- *Сможешь доставить пьяных мужичков?*

- *Да без вопросов!*

(«Комсомольская правда», 2011.04.01)

– Поможете нашему форварду адаптироваться?

– Без вопросов!

(«Советский спорт», 2009.08.03)

– Но Динияр этот удар заработал и сказал, что будет сам бить.

– Что ж, без вопросов!

(«Советский спорт», 2008.04.02)

– В два часа в футбол играем, как договорились?

– Да без вопросов!

(«Советский спорт», 2008.03.14)

– На вопрос, поедет ли Овечкин на чемпионат мира 2006 года в Латвию, он ответил: «Без вопросов! Конечно!»

(«Известия», 2006.02.26)

– Потом об этом поговорим, ладно?

– Без вопросов!

(«Советский спорт», 2004.01.28)

– Девочкам вина надо взять.

– Без вопросов!

(О подготовке ко дню рождения // из материалов Ульяновского ун-та, 2006)

– Я раньше вечера никуда не поеду.

– Без вопросов.

(к/ф. «Водитель для Веры»)

– Можно я попью, у меня сахарный диабет, во рту сохнет, мочи нет.

– Без вопросов!

(Из беседы с социологом на общественно-политические темы (Самара) // фонд «Общественное мнение», 2004)

– Ты приедешь завтра?

– Без вопросов!

(к/ф. «Мама»)

– Давай до свадьбы разберемся.

– Без вопросов!

(к/ф. «Ширли-мырли»)

– Ты мне поможешь?

– Без вопросов!

(Из разг. речи)

Институциональное устное живое общение также не лишено стереотипных экспрессивных синтаксических построений. Так, в деловом неофициальном взаимодействии используется коммуникатив *по рукам*, характерный в коммуникативной ситуации заключения какой-либо сделки, договорённости или соглашения. Этот коммуникатив представляет собой «осколок» фразеологизма «Ударить по рукам» и связан он «с обрядом сватовства на Руси, который обычно завершался «рукобитием» - невербальным жестом. Отцы жениха и невесты ударяли ладонями, закрепляя согласие на брак» (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005:606).

Коммуникатив *по рукам* маркирует преимущественно мужской тип общения. До сих пор принято хлопать по рукам в знак согласия.

Небезынтересно, что этот коммуникатив, подобно синтаксемам, может использоваться в функции заголовка: так называется в Интернете Доска бесплатных объявлений «По рукам!» Удмурдской Республики (http://vk.com/po_rukam).

Другим институциональным стереотипом, выражающим согласие, является коммуникатив *так точно*. Он маркирует собой устный ритуальный военный этикет и является обязательной военной формой утвердительного ответа. В обычном диалоге он используется как шутка.

Семантика вынужденного согласия содержится в следующих коммуникативах: *Делать нечего, деваться некуда.*

Говорящий хорошо осознает необходимость выполняемого, но нежелательного действия.

– *Ты завтра пойдешь на занятия?*

– *Делать нечего! Надо идти.*

(Из разг. речи)

Такое вынужденное согласие может быть сигналом к компромиссу, примирению.

Согласие с мнением собеседника выражается коммуникативом *вот-вот*. Он сигнализирует о подтверждении той информации, которая была заключена в реплике-стимуле.

– *Тебе не кажется, что Вика как-то изменилась за последнее время?*

– *Вот-вот! А я тоже обратила на неё внимание: какая-то не такая ходит.*

(Из разг. речи)

– *В семнадцать все хотят стать артистками и не знают, что же их ждёт.*

– *Вот-вот!*

(Русская разговорная речь. Тексты)

– *Институт горный выпускает не только же инженеров, которые работают там в шахтах.*

– *Вот-вот!*

(Там же)

И.В. Галактионова справедливо замечает, что согласие может быть выражено через констатацию соответствия действительности, а сочетание *вот-вот* она называет актуализатором такого согласия (Галактионова 1988:157).

При согласии-подтверждении или подчеркивании сказанного в инициальной реплике-стимуле используется коммуникатив – *Вот то-то и оно!*

Этот коммуникатив, кроме согласия-подтверждения, является интенсификатором причины события или действия, указанием на первопричину их и проблемность разрешения.

– *Оля выросла такой эгоисткой! Мы её баловали в детстве.*

– *Вот то-то и оно!*

(Из разг. речи)

– *Почему он ушел? Может, я была не слишком внимательна к нему?*

– *Вот то-то и оно!*

(Из разг. речи)

Коммуникативная ситуация поиска причины в реплике-стимуле говорящего иллокутивно вынуждают адресата экспрессивно подтверждать предположения о причине положения дел. В этом мы видим специфику данного коммуникатива.

Формой выражения согласия, солидарности с собеседником, а также положительным, утвердительным ответом на какой-либо вопрос является коммуникатив *само собой*. Этот коммуникатив представляет собой «осколок», в силу закона экономии речевых усилий оторвавшийся от выражения *само собой* *разумеется*. Значение очевидности положения дел подчёркивается коммуникативом. В этом его специфика.

В реплике-стимуле может содержаться мнение о лицах, не участвующих в диалоге, которое адресат считает очевидным.

– *Я считаю, что ему не надо было переезжать в другой город.*

– *Само собой! Он там вряд ли найдёт подходящую работу*

(Из разг. речи)

Кроме того, эта информация может быть охарактеризована как общеизвестная.

– *Надо платить за место на рынке?*

– *Само собой!*

(Из разг. речи)

– Вожеватов: *Уж, наверное, и вас пригласят.*

– Паратов: *Само собой! Как же можно без меня!*

(А.Островский. «Бесприданница»)

- *Ты зайдёшь сегодня к бабушке?*

- *Само собой! Могла бы и не напоминать.*

(Из разг. речи)

Функционально-семантический и прагматический анализ коммуникативов, выражающих коммуникативную функцию согласия, позволил выявить частные разновидности этого значения в ответных репликах-реакциях русских разговорных диалогах. К ним относятся: 1) согласие-подтверждение; 2) согласие-удивление; 3) Уверенное согласие; 4) категорическое согласие; 5) ироническое согласие; 6) подчёркнутое согласие; 7) согласие-разрешение; 8) вынужденное согласие; 9) согласие-уступка; 10) согласие-сочувствие; 11) согласие-оценка; 12) согласие-шутка; 13) горделивое согласие; 14) согласие-солидарность.

2. Коммуникативы, передающие семантику несогласия

Учёные, занимающиеся проблемой классификации речевых актов, пока не определили место несогласия в данной классификации, видимо, из-за того, что этот речевой акт может быть отнесён и к

репрезентативным, и к директивам, и к комиссивам, и к экспрессивам, и к декларативам.

Речевой акт несогласия обычно рассматривается через категорию отрицания: он может выражаться предложениями, имеющими формальный признак отрицания.

Поскольку несогласие содержит отрицательное отношение к действию или высказыванию собеседника, оно представляет собой информативное, оценочное или императивное высказывание и имеет в речи определенное воплощение с помощью средств выражения, использование которых в конкретной ситуации зависит от ряда причин: от намерения говорящего, от характера стимульной предыдущей реплики и от особенностей речевой ситуации.

Речевой акт несогласия – это один из видов речевых актов негативной реакции, к которым некоторые учёные также относят акты запрещения и отказа (Ерема 1996:38).

К указанным актам необходимо отнести опровержение, возражение, выражение недовольства, неодобрения. Они имеют в речи вербальное воплощение не только в виде развернутых высказываний, но и в виде коммуникативов как ответных реплик-реакций в диалогическом дискурсе. Обратимся к контекстам.

Коммуникатив *как же*, как правило, выражает значение несогласия и повторяет (дублирует) рему предыдущего высказывания с интенцией подчеркнуть негативно-ироническое отношение говорящего к предмету речи или к собеседнику.

Да, дождешься от вас, как же!

(А. Островский, «Бедность – не порок»)

В этом случае этот коммуникатив занимает постпозитивное положение в высказывании. В случае препозиции этого коммуникатива наблюдается усиление значения несогласия, а коммуникатив придает

более сложное значение отрицанию содержания предшествующей реплики. Оно реализуется в сочетании с иронией и негативной оценкой предмета речи.

– *Тренер российской сборной твердил: «Медали нам обеспечены, если не золото, то серебро – точно».*

– *Как же! Даже в первую пятерку не вошли.*

(«Советский спорт» 03.7.2010)

Значение отрицания передается этим коммуникативом в следующей ответной реплике в инициальном положении:

– *Ты молчи лучше!*

– *Как же! Стану я молчать.*

(А. Островский, «Семейная картина»)

Коммуникатив *как же* может занимать конечную позицию в высказывании.

– *Сти, Сти, милый. Пять часов только.*

– *Уснешь тут. Как же!*

(Арбузов. «Таня»)

Реплика-стимул содержит совет-предложение. Коммуниктив *как же* отрицает саму возможность реализации подобной линии поведения, представляя её как нереальную, тем самым усиливая экспрессивно-иронический характер последующего высказывания.

Коммуникатив *ни за что* выражает категорическое отрицание, несогласие.

– *Я также могла бы служить вместе с тобой, скажем, в буфете.*

– *Ни за что! Пока я жив, ты служить не будешь.*

(А. Грин. «Алые паруса»)

– *Вы, кажется, намерены простить мне долг?!*

– *Ни за что! Карточный долг – долг чести.*

(А. Толстой. «Касатка»)

– Ты поедешь к нему?

– Ни за что!

(Из разг. речи)

Кроме того, этот коммуникатив выдает адресата как человека, утвердившегося в своем решении не совершать действия по каким-либо достаточно веским, хотя возможно, и субъективным причинам.

Более мягкое несогласие, некатегоричный отказ закрепился за коммуникативом *ни к чему*.

– Я встречу тебя.

– Ни к чему! Сама доберусь.

(Из разг. речи)

Категорическое выражение несогласия передается коммуникативом *как бы не так*.

Терпел, терпел Мишка, а потом брови сдвинул по-дедовски, строгость на себя напустил и за отцовы усы ухватился. – Пусти, батянька! – Как бы не так! Не пущу!

(М.Шолохов. «Нахаленок»)

В словаре Михельсона эта структура квалифицируется как насмешливый отказ, несогласие. Субститутом её является коммуникатив *а вот и нет* использующийся преимущественно в детской речи как «дразнилка».

– Отдай мальчику машинку!

– А вот и нет! Не отдам!

(Из разг. речи)

Однако, как правило, коммуникатив *как бы не так* выражает категорическое несогласие, возражение, отказ в сочетании с возмущением, может быть использован в монологическом высказывании.

- Вы думаете он, по крайней мере, уйдет?

- Как бы не так!

(Из разг. речи)

Производящая база этого коммуникатива - сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным:

Как бы ты ни хотел, все равно так не будет.

Думаешь он успокоился, получив поворот от ворота? Как бы не так! (= нет, не успокоился)

В вопросительном высказывании содержится информация о желаемом действии, состоянии, которые не наступают по каким-либо причинам. Такое положение дел возмущает говорящего.

- Ты думаешь, что Машка секреты держать умеет?

- Как бы не так! Жди! Язык – помело.

(Из разг. речи)

- Спаси нас, благородный Мюнхгаузен!

- Как бы не так! Вы получили по заслугам.

(м/ф «Чудесный остров»)

- Мартышек лечить?

- Как бы не так. Кто тебе говорит?

(Из разг. речи)

- Отпри дверь в передней.

- Как бы не так!

(к/ф «Дубровский»)

Несмотря на то, что в Словаре эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи В.Ю. Меликяна этот коммуникатив фиксируется с пометой «просторечное», приходится констатировать, что сегодня он переходит в разряд разговорных, судя по его употреблению в текстообразующей функции как средства диалогизации в публицистике. Вот некоторые примеры:

Игра сделана? Как бы не так! Страсти зашваливают, и вот уже, «сталевары» остаются втроем.

(«Советский спорт», 2011.02.25)

Многие думают, что курительные смеси безобидны. Как бы не так! Они отправляют организм и вызывают зависимость.

(«Комсомольская правда», 2011.02.22)

Вы думаете, что наученные горьким опытом россияне не будут участвовать в этой авантюре? Как бы не так! Уже четыре тысячи человек принесли свои денежки.

(«Комсомольская правда», 2011.02.01)

В приведенных примерах коммуникатив *как бы не так* эксплицирует семантику несогласия-опровержения предыдущей информации, точки зрения.

В качестве реплики-реакции этот коммуникатив выражает отказ выполнять действия по причине, содержание которой раскрывается в последующем высказывании.

– *Вот можете прямо сейчас выходить и пересаживаться на маршрутку.*

– *Как бы не так! Я уже деньги за проезд заплатила.*

(Из материалов Ульяновского университета, 2007)

В просторечности этого коммуникатива заставляет усомниться использование его в поэтической речи.

– *Красная юбка?*

– *Как бы не так!*

– *Огненный парус!*

(М. Цветаева. «Памяти Г. Гейне»)

– *Жалкие гномы от стужи дрожат, Делят в пещере отысканный клад: «за два рубина отдай мне алмаз» – как бы не так!*

(М. Лохвицкая. «Гномы»)

Коммуникатив *вот ещё* используется при выражении несогласия с чем-либо или в выражении отрицательного отношения к какому-либо предложению, просьбе.

– *Неужели боишься? Подзадорила меня Лидия Михайловна*

– *Вот ещё! Ничего я не боюсь.*

(В. Распутин)

После коммуникатива может и не быть расшифровки его коммуникативного смысла:

– *Ты пойдешь к нему на день рождения?*

– *Ну, вот ещё!*

(Из разг. речи)

Субститутом этого коммуникатива является выражение *ещё чего*

– *Пойди и попроси у неё прощение.*

– *Ещё чего!*

(Из разг. речи)

Говорящий хочет слишком многого и недостойного для адресата действия.

Оба коммуникатива выражают решительное несогласие, отказ выполнять какое-либо действие и передают негативное отношение к тому, о чем идет речь в реплике-стимуле.

– *Илюш, ну принеси водички, пожалуйста.*

– *Еще чего!*

(Живая речь уральского города, тексты, 1995)

Коммуникативом выражается по сути отказ, который носит резкий, интенсивный характер. Кроме семантики несогласия выполнить просьбу, отказано в самой возможности выполнения каузируемого действия со стороны адресата, категорически не желающего пойти навстречу просьбе.

Коммуникатив *да ну* специализируется на выражении коммуникативных смыслов несогласия, возражения, что, как правило, подтверждается последующим высказыванием адресата.

– *Вы виски пили?*

– *Да ну! От виски голова болит.*

(Из разг. речи)

Последующее высказывание, как видим из приведенных минимальных диалогических единств, содержат конкретизацию и причину несогласия, выраженного первой репликой-реакцией. Коммуникатив *да ну* может быть использован и автономно, например, как реакция на совет.

– *Отдохнуть бы надо!*

– *Да ну!*

(Из разг. речи)

Человек фактически «отмахивается» от совета и закрывает тему разговора.

Если основываться на реальных фактах использования языка в живой устной разговорной речи, то нельзя игнорировать интонационный рисунок произнесенных высказываний с коммуникативами. Не останавливаясь на просодике отрицания, приведем пример, демонстрирующий экспрессивное ироническое отрицание:

– *А убили бы её?*

– *Ну да! Скоро убьешь такую.* – сказал извозчик так, как будто он неоднократно пробовал убивать пьяных девиц.

(М. Горький. «В людях»)

Так, интонация и последующая конкретизация семантики несогласия коммуникатив *ну да* из средства выражения согласия

превращается в средство выражения несогласия, часто с ироническим подтекстом.

Такое же значение решительного, категорического отрицания, несогласия, отказа или запрета (все эти разновидности связаны с контекстными условиями) присуще следующим коммуниктивам: *ни в коем случае, ни за какие блага, ни при каких обстоятельствах, ничего подобного, и речи быть не может, с какой стати, с чего бы это, только через мой труп, ишь чего захотел* и др.

Все перечисленные коммуниктивы имеют значение прямого отказа с прагматическим назначением иллокутивно зависимой диалогической ответной реплики-реакции. Эти реплики, пишет Г.Е. Крейдлин - «характеризуются разной степенью частоты встречаемости в текстах и разной степенью невежливости, обычно сопряженной с вызовом или откровенной грубостью» (Крейдлин 2006:285). По нашим наблюдениям, эмоциональный, экспрессивный прямой отказ, возражение или запрет используются в живой речи между коммуникантами, находящимися в неформальных, чаще родственных отношениях, с соблюдением иерархии. Они не нарушают общих постулатов вежливости и социальных норм взаимодействия. Иллокутивно вынуждают такую экспрессивную реакцию высказывания адресанта, содержащие совет, предположение, просьбу, отвергаемые адресатом как неприемлемые для себя в данной ситуации, что и вызывает отрицательную эмоциональную реакцию.

– *Они нам позвонят, и мы встретимся.*

– *Ни в коем случае!*

(Из разг. речи)

Слушающий по каким-то причинам не хочет встречаться с теми людьми, которые должны позвонить и договориться о встрече. Само предложение, высказанное инициатором общения, вынуждает отказ.

Такой категоричный отказ или достаточно резкое несогласие может быть продиктован разными причинами, например, моральными правилами, в непозволительном нарушении которых абсолютно уверен говорящий.

Типичным случаем появления этого коммуникатива является обращенность информации в реплике-стимуле в будущее. Совет, просьба о разрешении, вопрос о будущем положении дел, с которыми адресат несогласен, которые для него неприемлемы, провоцируют такую категоричную реакцию.

Коммуникатив *ну уж нет* тоже выражает несогласие или отказ от предлагаемых действий.

Ну уж нет! – в один голос вскричали и Варя и Фандорин.

(Б. Акунин)

Ну уж нет! Я им этого не прошу!

(Из разг. речи)

Несогласие, выраженное таким образом, связано с субъективными представлениями адресата, которые связаны с какими-либо принципами. Отказ в чем-либо вызван неприемлемостью предложения, совета или просьбы из-за собственных убеждений или по причине полученного негативного опыта в прошлом.

Если сравнить коммуникативы *ни в коем случае* и *ну уж нет*, то мы можем обнаружить, что закон семантического согласования действовать будет по-разному.

(1) – *Можно я пойду гулять?*

– *Ни в коем случае! Уже поздно!*

Адресат в последующем за коммуникативом высказывании уточняет объективную причину, по которой, как ему кажется, невозможно разрешение действия.

(2) – *Попроси у него прощения.*

– *Ну уж нет! Это ниже моего достоинства.*

В данном случае последующее высказывание раскрывает причину несогласия (отказа в действии), связанную с субъективным пониманием себя и ситуации в целом.

Таким образом, мы можем выделить следующие разновидности интенции несогласия, передающиеся коммуникативами: 1) несогласие-опровержение; 2) несогласие-возражение; 3) несогласие-недовольства; 4) несогласие-неодобрение; 5) ироническое несогласие; 6) несогласие-отрицание; 7) оценочное несогласие; 8) категорическое несогласие; 9) запрет; 10) отказ; 11) несогласие-возмущение.

3. Коммуникативы, передающие семантику безразличия

Непосредственная реакция на что-либо в интеракции, как правило, эмоциональна, а значит, экспрессивна. «Экспрессивность рациональной оценке не свойственна» (Вольф 2002:40). Это говорит о том, что там, где есть экспрессивность, всегда мы имеем дело с эмоциональной оценкой. В диалогическом дискурсе адресат с помощью экспрессивных синтаксических непредикативных сочетаний выражает своё отношение к мнению говорящего. Таким образом, семантика согласия и несогласия неизбежно обогащается и семантикой оценки. Если человек согласен с чем-либо, одобряет нечто – значит, он это нечто оценивает положительно, со знаком (+). Если несогласен, соответственно оценка будет отрицательная; то есть со знаком (–). Не случайно, что коммуникативы, выражающие семантику согласия имеют своим

субститутом наречие *хорошо*, а несогласия имплицитно связано с семантикой отрицания.

В неоднократном использовании коммуникативов согласия проявляется оценочная солидарность.

Об отрицательной оценке и отрицании и их связи рассуждает Н.Д. Арутюнова. Она пишет: «В русском языке наречие плохо способно указывать не слабую степень признака (в противовесе хорошо, означающему сильную степень признака), и это открывает ему путь к отрицанию» (Арутюнова 1988:210).

Это взаимодействие обусловлено самой коммуникацией и психологией общения.

Если отталкиваться от общеоценочной дихотомии «хорошего» и «плохого», выстраивается шкала оценок «хорошо – норма – плохо», то аналогично можно представить и такую шкалу, полюсовыми точками которой будут согласие и несогласие. Точно так же, как и в случае общеоценочной дихотомии, где есть срединное понятие нормы, в нашей шкале срединное положение займет безразличие.

Согласие – безразличие – несогласие.

Непредикативные неноминативные экспрессивные синтаксические структуры, кроме семантики согласия и несогласия, способны выражать и безразличие.

С.А. Голубцов справедливо считает, что в основе безразличия лежит оценка. (Голубцов 1994:119)

Сфера безразличного в языке выражается специальными средствами, которые демонстрируют, что объект или предмет, ситуация или событие находятся вне интересов или пристрастий субъекта речи вообще или в конкретной ситуации. По мнению Т.П. Белоусовой, "на усиление социальной апатии первыми отреагировали разговорная речь и жаргон. Появились и закрепились в употреблении фразеологические

единицы: *до лампочки, до фени, по фигу, один фиг, на фигу* и многие другие. Они выразительно диагностировали усталость, фатализм, ценностный вакуум, потерю исторической перспективы, и как следствие – безразлично – ироническое отношение человека к жизни."

В предисловии к «Фразеологическому словарю русского языка» авторы пишут: «Вплоть до начала XX века в русском языке почти не было словосочетаний, означающих полное безразличие и наплевательское отношение человека ко всему на свете. Так или иначе люди были заинтересованы в результатах своего труда, беспокоились не только о сиюминутных проблемах. Однако, начиная со времен красного террора, «беспокойных» начали целенаправленно отстреливать, так что выживали по преимуществу пофигисты, которыми на все было начхать, всякая проблема – равнофиолетова, любой вопрос – по периметру» (Л. Логинов 2003:421).

С таким мнением можно не согласиться, однако пост сочетаний с семантикой безразличия очевиден. В нашем материале их около 50 тысяч разновидностей, и это только в сфере непредикативных экспрессивных сочетаний в живой разговорной речи, исключая жаргонные выражения.

Обратимся к примерам.

– *Представляешь, я потеряла кошелек с деньгами.*

– *Ну и что! Еще заработаешь!*

(Из разг. речи)

По нашему мнению, коммуникатив ну и что может быть интерпретирован как успокаивание, поскольку по закону семантического согласования он может быть дополнен выражениями: *Ничего страшного! Купим новый* и т.д. Заметим, инициальная реплика содержит информацию о событии, произошедшем с говорящим,

адресантом. Именно поэтому он интерпретирует ответную реплику как успокаивание, утешение. Вот еще пример:

– *Поосторожней, а то вдруг выстрелит!*

– *Ну и что!? Еще раз заряджу.*

(Из анекдота)

Другое дело, когда реплика-стимул содержит информацию, направленную, обращенную на адресата.

– *Осторожней! Не сломай замок.*

– *Ну и что! Другой куплю.*

(Из разг. речи)

В спонтанной речи за безразличием может скрываться обида, протест. Наиболее ярко это проявляется в контексте, раскрывающем имплицитность, указанных состояний и интенций. В этом случае семантически сближаются сочетаниями *ну что ж*, *ну и пусть*.

– *Вельможа из дворян.*

– *Ну что ж!*

– *А ты дворян из вельмож!*

(М. Цветаева)

– *Ты же получишь двойку!*

– *Ну и пусть!*

(Из разг. речи)

В этом контексте адресат заявляет о своем равнодушии к теме об оценках или упрямстве, нежелании выучить урок, что прячется за таким безразличием к оценкам.

Когда адресант в своей реплике передает информацию о третьем лице, не участвующем в диалоге, то адресант, реагируя коммуникатив *мне-то что*, который является актуализатором безразличия к состоянию третьего лица:

– *Она обидится.*

– *Мне-то что!*

(Из разг. речи)

Данная ответная реплика может дополняться выражением «*Пусть обижается!*»

Иногда семантика безразличия, выражена коммуникативом *ну и что* выступает как реакция на фатическое не информативное, ничего не значащее речевое высказывания инициатора общения.

– *У меня по алгебре была твёрдая тройка.*

– *А у меня пятерка. Ну и что!*

(к/ф «Золото партии»)

– *Мне сегодня по географии пару поставили.*

– *Ну ладно! Иди обедать.*

(Карасик, 2007:83)

Последний пример В.И. Карасик комментирует следующим образом: это «ценностное понижение события, либо демонстрация внешнего безразличия как способа сохранить лицо» (Карасик, 2007:83).

При отсутствии указанных интенций логичнее были бы два варианта развития диалога, в котором не были бы разрушены связи между репликами. Например, ответные реплики должны были бы выглядеть так: эмоциональная реакция:

– *Да ты что?!*

Или рациональная реакция:

– *Ну что ж! Будем лучше готовиться к уроку.*

4. Коммуникатив, передающий семантику побуждения

В этом разделе работы анализу подвергаются экспрессивные синтаксические конструкции – коммуникативы, служащие сигналами интенций говорящего, связанных с различными побуждениями. По

данным исследованного материала, к таким коммуникативам относятся «*а все-таки*», «*да ладно (тебе)*» ну ладно и вот я тебе.

Побудительные, директивные акты, по Дж. Серлю, бывают трех видов: прескриптивы, реквистивы и сггестивы. К прескриптивам, предписывающим иллокутивным актам относятся приказы, распоряжения, требования, заказы; к реквистивам – просьбы, побуждения, приглашения; к суггестивам – совет, предложения, предупреждения и предостережения (Серль 1986:27). Все директивы обладают следующими признаками: приоритетность позиции говорящего; необлигаторность / облигаторность действия для говорящих; бенефактивность / небенефактивность действия для говорящих. С помощью директивов говорящий добивается желаемого действия от собеседника. Директивный стиль общения является формой речевой контакта, при котором один из коммуникантов принимает на себя главенствующую, руководящую роль.

Нечленимые синтаксические экспрессивные построения – коммуникативы, как правило, передают директивную интенцию имплицитно, однако можно сказать, что такая косвенная их функция закрепилась за ними «благодаря традиционности их употребления, своеобразной договоренностью между участниками коммуникативной речевой деятельности» (Булыгина 1981:338).

Директивная интенция у коммуникативов проявляется в определенных коммуникативных ситуациях речевого взаимодействия, характеризующихся определенными отношениями собеседников. Речеактовую функцию директива в диалогическом дискурсе живой разговорной речи берет на себя коммуникатив *а все-таки*, который имеет прагматическое значение требования уточнения информации, переданной в инициальной реплике.

– Ты во сколько придешь?

– *Не знаю.*

– *А все-таки.*

(Из разг. речи)

Инициатор общения не удовлетворен ответом на свой вопрос – запрос информации о времени прихода собеседника и настаивает на более конкретном ответе на вопрос.

Исходное высказывание характеризуется информационной неполнотой с точки зрения адресата.

– *Ты счастлива?*

– *Не знаю!*

– *Что тебе нужно для счастья?*

– *Да, не хочу я об этом говорить.*

– *Ну а все-таки.*

(Из разг. речи)

– *Что вы думаете об этой кампании?*

– *Нет, у меня о ней информации. Она слишком противоречива.*

– *А все-таки, если вернуться к моему вопросу, что вы о ней думаете.*

(Из беседы с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд "Общественное мнение", 2004)

– *Что вы можете сказать о научном будущем Троицка.*

– *Да, ничего существенного.*

– *А все-таки. Есть ли ощущение научного будущего?*

(Из телепередачи "Наука в России и в Троицке: значение, состояние, перспективы" // Из коллекции НКРЯ, 2004)

– *Где вы работаете?*

– *Какая разница, где я работаю?*

– *Ну а все-таки. С чем связана ваша работа?*

(к/ф «Супертёща для неудачника»)

Коммуникатив *Да ладно!* в русском диалоге передает директивную семантику совета успокоиться.

– *Что-то сегодня все так раздражает!*

– *Да ладно! Все будет хорошо!*

(Реклама на ТК Россия 1)

Такую же функцию выполняют его модификация *Да ладно (Вам/тебе)!* которая может быть интерпретирована как "перестаньте", "хватит придирайтесь".

– *Ну давай, давай, пой.*

– *Ну "а-а-а, а-а-а".*

– *Да ладно тебе ломаться!*

(Из разг. речи)

Так может быть интерпретирована реклама работодателя, расклеенная по городу Воронежу: *Да ладно! Работа!* И даны номера телефонов. Это сочетание в данном контексте может быть интерпретировано следующим образом:

«Хватит унывать, скучать, переживать и т.д. Есть выход, звоните.»

Подобные примеры в русском диалоге достаточны распространены, и они не воспринимаются как грубые, невежливые.

– *Ваша директриса о людях вообще не заботится.*

– *Да ладно тебе! Завелся.*

(Из разг. речи)

Такая реплика имплицитно регулирует реакцию с интенцией успокоивания и прекращения разговора на нежелательную тему для инициатора разговора и, возможно, реакцию на возбужденный тон его речи.

Представленный материал, как можно наблюдать, демонстрирует достаточно широкий диапазон коммуникативно-прагматических возможностей директивных коммуникативов.

Выводы

Проанализированный материал, представленный во второй главе настоящего исследования, показал, что экспрессивные синтаксические конструкции в русской разговорной речи выполняют коммуникативные речевые функции и относятся к коммуникативам, обладающим разными категориальными коммуникативно-прагматическими значениями, которые обычно содержатся в речевых актах с той лишь разницей, что в коммуникативах эти значения, как правило, выражены имплицитно и амбивалентно. Отсюда их сходство с косвенными речевыми актами.

К основным коммуникативно-прагматическим значениям, реализуемым коммуникативами как ответными репликами-реакциями в русском диалоговом взаимодействии, относятся:

1) согласие, имеющее следующие частные интенции:
согласия-подтверждение; согласие-удивление;
согласие-уверенность; категорическое согласие; ироническое согласие; подчеркнутое согласие; согласие-разрешение;
вынужденное согласие; согласие-уступка; согласие-сочувствие;
согласие-оценка; согласие-шутка; горделивое согласие;
согласие-солидарность.

2) несогласие, имеющее следующие частные разновидности интенций: несогласие-опровержение; несогласие-возражение;
несогласие-недовольство; несогласие-неодобрение; ироническое

несогласие; несогласие-отрицание; несогласие-оценка;
категорическое несогласие; запрет; отказ; несогласие-возмущение.

Кроме того, коммуникативы в русском разговорной речи в диалогическом дискурсе могут передавать интенции безразличия и разнообразных побуждений.

Среди директивных коммуникативов, по данным предпринятого исследования, выделены коммуникативы-просьбы; коммуникативы-запреты; коммуникативы-советы и коммуникативы-успокаивания, коммуникативы-угрозы.

Глава 3

Функционально-семантическая и прагматическая характеристика метакоммуникативов

В словаре «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» В.Ю. Меликяна метакоммуникативы не выделены в самостоятельный класс. На наш взгляд, это особые единицы языка и речи. Они представляют собой тоже нечленимые синтаксические образования, но выполняют абсолютно иные функции по сравнению с коммуникативами и коммуникемами. В данной главе нашей работы такие конструкции выделены как метакоммуникативы. Они представляют собой разнообразные комбинации сочетаний частиц, наречий и союзов, передающие широкий диапазон коммуникативных намерений (интенций), в которых отражаются социокультурные, прагматические, психологические и другие факторы, определяющие характер речевых ситуаций. К этим сочетаниям или метакоммуникативам мы относим следующие синтаксические построения: *вот так, вот что, так вот, ну так вот, ну и вот, вот и всё, ну ладно.*

Все эти построения в определенных коммуникативных ситуациях выполняют метатекстовые функции и могут быть отнесены к метатекстовым единицам или метакоммуникативам.

В работе С.В. Лосевой так определяется понятие «метатекст»: это «функционально-семантическая категория текста, означающая присутствие говорящего в тексте, имеющего цель передачи авторского отношения к языковому коду своего высказывания (речевого произведения)» (Лосева 2004). Используя текстовый подход к интерпретации разговорных речевых произведений, можно

проанализировать поведение метакоммуникативов в рамках разговорного монолога, как особого типа диалогической речи. По мнению Н.Ю. Шведовой, «разговорный монолог – это форма непринужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям» (Шведова 1956:68).

До сих пор остаются без внимания метатекстовые единицы, которые рассматриваются как в аспекте их содержания (А.Н. Баранов, Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева), так и в аспекте средств выражения метатекста. (М.В. Ляпон, Н.К. Рябцева, А.А. Шаймиев и др.)

Разрозненность исследований метатекстов, в которых, как в фокусе, совмещены коммуникативность и модальность в разных формах речи, очевидна, что позволяет сделать обзор полученных результатов. Так, метатекстовым частицам посвящена диссертация С.В. Лосевой (2004). Автор справедливо утверждает, что «частицы играют не малую роль в образовании метатекста».

Термин «метатекст» введен А. Вежбицкой (1978), что явилось толчком для его изучения. Вот как определяет это понятие А. Вежбицка: «это двухголосый текст, высказывание о самом высказывании», нити, сшивающие текст в тесно спаянное целое, но являющиеся «инородным телом» (Вежбицка 1978:403). В метатексте субъект обнаруживает себя и дает авторский комментарий, то есть его единицы прагматически ориентированы. Элементы метатекста «вербализуют такие прагматические компоненты, как интенция адресанта текста (автора, составителя издания, редактора, комментария и др.); название текста или его элемента как объекта созидания, интерпретации, восприятия; сам факт развёртывания текста и номинация реализуемых в этом направлении речевых шагов; адресат текста и др.» (Шаймиев 1998:89).

Некоторые метатекстовые единицы можно отнести к дискурсивным словам, хотя дискурсивные слова «затрагивают существенно более широкий контекст» (Дискурсивные слова 1998:25).

Метатекстовая функция заключается в следующем:

- комментирование и регулирование субъектом речи (адресантом) собственной речевой деятельности (указания на разного рода специфику протекания авторской мысли и её вербализации).

- указание на соотношение высказывания с другими высказываниями (подведение итога, переход к другой теме и др).

Используя понятие «категория метатекста» А. Вежбицкой и понятие «метакоммуникация», введённого Г.Г. Почепцовым (1981), исследователь сферу предъявления коммуникативных смыслов речевых поступков и их интерпретации называет метадискурсом (Борисова, 2005). Именно метадискурс даёт представление о коммуникативных намерениях говорящих и помогает определить не только иллокутивные силы, выражаемые речевыми поступками, но и межличностные смыслы, выражаемые речевыми поступками.

Н.Д. Арутюнова выделяет в высказывании коммуникативный модус, этот коммуникативный модус дифференцирует способы выражения интенций говорящего и реализуется (манифестируется) особыми речевыми средствами (Арутюнова 1999:407-408). Кроме того, он может быть, эксплицитным и имплицитным. Экспликация осуществляется разными средствами: лексическими, грамматическими и интонационными. Экспрессивный синтаксический коммуникативный смысл выражается комплексно, по сравнению с коммуникативной интенцией, поскольку он осложняется выражением оценочных и эмоционально-экспрессивных смыслов.

М.Л. Макаров использует термин «метакоммуникативные акты» и называет эти акты «дискурсом по поводу самого дискурса». К

метакоммуникативным актам он относит коммуникативные ходы, комментирующие, ориентирующие и меняющие ход общения или выделяющие его структурные фазы (Макаров 2003:176).

В работе А. Мирович (1962) высказана негативная позиция в отношении использования подобного рода сочетаний: «нередко можно заметить случаи злоупотребления ими. Порой получается впечатление, что они используются говорящим, когда он, обдумывая своё высказывание или подбирая для него соответствующую форму, встречает известные затруднения и старается попросту выиграть время. В этом случае ему приходят на помощь именно такие слова, которые лишены конкретного значения. Такое положение вещей бывает вызвано разными бессодержательными вступлениями, вроде *ну так вот значит, не так вот например, ну так вот* и т.п. ... «Просвечивающие затёртые этимологические значения ничего не дают для характеристики их функции. Так, например, частицы *вот, это, так, действительно, как-то* ассоциируются со значением указательности, но в этом нет ничего для них существенного» (Мирович 1962:110). На наш взгляд, так сказать о синтаксических построениях с этими частицами нельзя.

Описанию употребления частицы *вот* была посвящена статья Л.М. Чистяковой (1951). Внимание автора было сосредоточено на отдельных конструкциях. В статье нет было попытки выяснить условия функционирования изучаемой частицы. Н.Ю. Шведова, оценивая указанную статью, писала, что автор допускает «... нередко приписывание частице (*вот*) таких значений, которых у неё нет» (Шведова 2003:115). Сама Н.Ю. Шведова отмечала следующее: «очень разветвленным является круг построений, конструируемых с участием частицы *вот*. Это частица сохраняет живую и непосредственную связь с наречием в двух его основных значениях: собственно указательном и временном. Только при утрате этих значений мы можем говорить о

переходе слова *вот* в частицу, которая участвует в формировании предложений со значениями: 1) акцентирования; 2) усиления; 3) оценки; 4) отрицательного, иронического отношений» (Шведова 2003:115).

Заметное распространение в современном русском языке и речи получают синтаксические построения с опорным словом *вот*. Именно такого рода построения дают некоторый комментарий к какому-либо событию. Они могут быть связаны как с предшествующей, так и с затекстовой информацией. Являясь метатекстовыми вставками, эти построения сами по себе не имеют значения. Как правило, они выполняют функцию текстовых ориентиров, сигнализирующих о том, что в предыдущем тексте был подведен некий итог, или высказана чрезвычайно важная мысль, или была дана информация о только что совершившемся важном событии. Кроме того, они могут предупреждать о каком-либо важном событии, какой-либо важной информации, которые будут переданы в последующем тексте. Одним из таких сигналов является метакоммуникатив *так вот*.

Обратимся к примерам:

– ... какой крупнейший русский поэт в стихах признался: "Я мокрый, как мне стыдно".

– Не знаю.

– Так вот! Выяснилось, что это Константин Бальмонт в "фейных сказках".

(Русская разговорная речь, тексты 1978)

– Хотите вопрос на засыпку? Как звали Плошкина?

– О-О!

– Так вот! Когда его дочка приехала с маленькими ребятами-внуками, которых он обласкал, то она назвалась Александрой Степановиной.

(Там же)

В данных примерах метакоммуникатив *так вот* выполняет роль метатекстовых вставок, сигнализирующих о том, что в реплике-реакции будет в последующем высказывании важное сообщение.

В следующем примере несколько модифицированная метатекстовая вставка служит сигналом того, что речь говорящего была прервана и он возвращает её к той же теме.

– *Расскажи, на какой день вы собрались?*

– *ты имеешь в виду в поход?*

– *Кофе будешь?*

– *Нет. Ну так вот! Вышли мы в пятницу утром.*

(Русская разговорная речь, текст)

Метакоммуникатив *ну так вот* может быть использован и для привлечения внимания собеседников, особенно когда говорящий хочет подчеркнуть значимость своего высказывания.

– *Вы звонили ему?*

– *Нет.*

– *Так вот! Николай Иванович, позвоните завтра обязательно.*

(Из разг. речи)

– *Слушай, я встретила там Ритку. Ты её знаешь?*

– *Конечно.*

– *Так вот. Она приехала сдавать экзамены.*

(Из разг. речи)

Примечательно, что этот метакоммуникатив используется не только в разговорных диалогах, но и в письменной речи монологического типа с целью подчеркивания особой важности информации в последующем тексте.

Так вот, автор грамоты сообщает, что сторожа халатно относятся к своим обязанностям, пьянствуют.

(А. Ломов. «Такая печальная долгая жизнь»)

Типично использование его, разумеется, и в интервью, в речи интервьюированного, если его роль была прервана, после чего он продолжает её.

Так вот, не успели отечественные инсулины появиться, как им была объявлена настоящая война.

(Из интервью с президентом ОАО «Российский инсулин» Н.Ю. Анистаренко)

Метакоммуникатив *вот так*, занимая конечную позицию, выполняет функцию итоговой концовки и завершает реплику.

Эту книгу я читать не буду. Вот так!

(Из разг. речи)

– *Не лезьте вы в это дело.*

– *Вы мне не указывайте. Рослом не вышли. Вот так!*

(к/ф «Ширли-Мырли»)

Возможно и употребление метакоммуникативов *так вот* и *вот так* в одном текстовом фрагменте в функции реплики-реакции как сигнала начала важного сообщения и его конца, итога соответственно.

– *Так вот, мой дорогой, надеюсь мы обо всем договорились. Будешь слушаться, и все будет хорошо. Вот так!*

(Из разг. речи)

Метакоммуникатив *так вот* помогает говорящему обозначить возврат к теме реплики-стимула в случае некоего временного ускользания её в ходе диалогического взаимодействия.

– *У неё завтра пятнадцать лет свадьбы.*

– *Да? Это юбилей?*

– *Так вот я и хотела спросить, какая это свадьба, фарфоровая или хрустальная?*

(Из разг. речи)

Похожая функция выполняется и метакоммуникативным сочетанием *ну и вот*. При появлении его имплицитно выражается коммуникативная установка на раскрытие темы, от которой по каким-то причинам говорящие отвлеклись.

Ну и вот! Мне больше всего понравилось, как мы гуляли по Монмарту.

(Из разг. речи)

Метакоммуникативы *ну вот*, *ну и вот* осуществляют ввод информации, передача которой по каким-либо причинам была прервана. Эти метакоммуникативы сигнализируют о продолжении разговора.

А: Сейчас будет кофе.

Б: Ну вот, может, так сделаешь?

А: Что, ей деньги отдать сейчас?

Б: А где же кофе?

А: Вот оно, возьми сам.

Б: Ну вот, можно я продолжу? Если отдать сейчас, то у нас до конца месяца ничего не останется.

(Разговорная речь. Тексты)

Она была актриса. У неё был хороший голос, всё как полагается. Чайку подлить? Ну вот, я и говорю, какие у нас актёры начинали. Черкасов был молодой.

(Разговорная речь. Тексты)

– Ты помнишь, приезжала с детьми несколько лет тому назад?

– А! Это было весной, кажется.

– Ну вот, Элла была здесь в командировке.

(Разговорная речь. Тексты)

Они сделали свежие насечки. Подожди, звонят. Ну вот, сделали насечки, чтобы легче было найти дорогу назад.

(Разговорная речь. Тексты)

- Расскажи про поход.
- Сейчас. Кофе здорово солью посыпать.
- На какой день вы собрались?
- Ну вот, вышли мы утром в среду.

(Разговорная речь. Тексты)

- Вначале нам пожелали счастливого пути. Потом метров через 500 стали нас останавливать и проверять документы.
- А что у вас не было билетов?
- Были. Ну вот. А потом мы ехали, и всё было нормально.

(Разговорная речь. Тексты)

А: Он в Германии целую теорию развёл.

Б: Но это не ново ведь, Теория-то.

В: Что, что?

Б: У Руссо была теория акая.

А: Ну вот. Немцам они не понравилась.

(Разговорная речь. Тексты)

- Я за всех ходил и сдавал.
- Как же это можно было!?
- Да так уж, исхитрялись всякими способами.
- Интересно.
- Ну и вот! Прихожу как-то на экзамен, а там знакомый, мой сосед...

(Разговорная речь. Тексты)

Что касается метакоммуникатива *ну так вот*, то он таит в себе много лингвистических загадок.

Во-первых, некоторые элементы этого сочетания сами по себе характеризуются частеречной омонимией. В разговорной речи *ну* может быть частицей, междометием или союзом; *так* – наречем, союзом и

частицей; во-вторых, это сочетание передаёт массу коммуникативных намерений (интенций), в которых отражаются социокультурные, прагматические, психологические и другие факторы, определяющие характер речевой ситуации.

Сочетание *ну так вот* может оформлять вывод из предшествующего высказывания при возвращении к прежней теме или ситуации.

Мать идёт. Давай заниматься. Ну так вот, братец ты мой, - возвышает он голос, - эту дробь надо помножить на эту.

(А. Чехов. «Накануне поста»)

Это сочетание может выражать переход от сказанного ранее к тому, что из этого следует, что будет дальше. Синонимы к нему могут быть *итак, таким образом*.

Хотите, расскажу? Это коротко. Ну так вот: время действия – осень 1905 года, место – южный берег Крыма...

(А. Куприн. «Гусеница»)

Не случайно после этого сочетания ставится двоеточие.

Ну так вот, любезный, будешь прикладывать ей на голову холодный компресс.

(А. Чехов. «Скрипка Ротшильда»)

Это сочетание маркирует переход от одной темы к другой.

Ну так вот – узнав о позорном, грязном, трусливом и, увы, очередном убийстве чернокожего студента в Питере, я готова согласиться с НАЦИ.

(«Комсомольская правда», 2006.04.08)

Ну так вот, в тот самый день, когда Корольчук забавлялась с собачкой, зрительская аудитория «Большого Брата» составила 5,4 млн. человек, рекордное число за последние месяцы.

(«Труд-7», 2005.08.11)

Ну так вот, день был выходной, пусто.

(«Комсомольская правда», 2002.06.05)

«Ну так вот, её убили вместе с подружкой сегодня утром на пляже», - вспоминает Карауловский.

(«Комсомольская правда», 2007.03.17)

Когда картину принимали в Госкино, то один из чиновников, желая поддержать Василия Макаровича, похвалил его за то, что он «смог мастерски использовать природный недостаток артиста – его заикание», ну так вот, в дальнейшем Шукшин предлагал Куравлеву роль практически во всех своих картинах.

(«Труд-7», 2006.10.07)

Ну так вот, один из предложенных вариантов был – продемонстрировать в камеру футболку с российской символикой.

(«Советский спорт», 2011.02.14)

Учту. Ну так вот. Под методологией, кроме привычного понимания философско-гносеологического познания, подразумевается также совокупность приемов исследования...

(Трубачев О.Н. Беседы о методологии научного труда. Беседа 1. Трактат о хорошей работе // Понятия ИРЯ им. В.В. Виноградова ГАН / опубл.: Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1. – М.: ЯСК, 2009, 1980)

Ну так вот, слушайте беседы о походе в Крым.

(Русская разговорная речь. Тексты)

Ну, так вот! Слушайте! Она согласилась.

(Русская разговорная речь. Тексты)

Ну так вот. С этим гренадером я жить не буду.

(к/ф «Сдается квартира с ребенком»)

Ну так вот, схлопотали ему пять лет по пьяному делу.

(к/ф «Девять дней одного года»)

«Наш президент предложил свою помощь в поимке международных террористов, - заявил эмиссар Масхадова Закаев, - если будут представлены конкретные доказательства наличия таковых в Чечне...». Ну так вот: конкретные доказательства представлены. Теперь от Масхадова ждут не пустых слов, а дела.

(«Труд-7», 2002.01.23)

Функция оформления вывода из предыдущего контекста наблюдается и в поэтическом тексте:

Я её позабыл.

Ну так вот. Я скажу: хоть и кажется мне,

Что нарушена переправа,

Но хочу ещё раз я проплыть по реке Тишине

В снежных сумерках, в ночь ледостава.

(Л.Н. Мартынов. «Река Тишина»)

Ну так вот... начну с вопросов...

Отчего иной философ,

Чуть попал в печать – дурак?

(Л.А. Мей. «Господам Цензорам»)

Это сочетание используется и для возврата к прежней, основной теме беседы или рассказа:

Вчера звонила Полина Мироновна, ты её должен помнить, её муж делал тебе коронки, когда ты приезжал на развод... Она историю в нашей школе преподает. Ну так вот, оказывается, дети теперь выходят к доске и молчат. Полина Мироновна говорит: вопрос такой – СССР накануне второй мировой войны. А ученик: вы спросите, а я отвечу «да» или «нет». Полина: нет, ты, пожалуйста, порассуждай, я хочу услышать, как ты думаешь. А мальчик: чего тут думать? Вы спросите, мои проблемы – только «да» или «нет».

(Марина Вишневецкая «Пусть будут все»)

Таким образом, сочетание *ну так вот* в современном русском языке и речи тоже не является бессодержательным, а выполняет следующие разнообразные функции:

- 1) предваряет собой целый блок любой информации;
- 2) оформляет вывод из предшествующего высказывания или контекста в целом;
- 3) позволяет говорящему и пишущему вернуться к прежней прерванной теме или коммуникативной ситуации;
- 4) маркирует переход от одной темы к другой и регулирует процесс общения в целом.

Функция завершения мысли, информации или вывода из предшествующего высказывания характерна для метакоммуникатива *вот так-то*. Необходимо отметить, что это экспрессивное сочетание не включено ни в «Словарь эмоционально-экспрессивных оборотов речи» В.Ю. Меликяна, ни в «Словарь сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой. В нашем материале имеются контексты с этим метакоммуникативом, причем в разных дискурсах, с коммуникативной интенцией оформить вывод из предыдущего сообщения или обозначить метатекстовую концовку.

Мы точно так же, как и ты, люблю свою Родину, свой поселок и наш уютный дом, который помнит твои заботливые руки. Вот так-то, дедушка!

(«Комсомольская правда», 2010.04.09)

Супруга была в Сибири ба-а-альшим человеком – вторым секретарем крайкома комсомола. Вот так-то! – рассказывал Олялин.

(«Комсомольская правда», 2009.11.25)

Метакоммуникатив не только подводит итог сказанному, но и делает это не без гордости: *Зато количество столоначальников,*

отвечающих за перевооружение наших войск, увеличилось за последние годы почти в 3 раза! Вот так-то!

(«Комсомольская правда», 2007.07.18)

Между прочим, бабочка в древности считалась символом бессмертия души – вот так-то!

(Из разг. речи)

По мнению Т.Ф. Ефремовой, это сочетание является междометием, возгласом, выражающим подтверждение предыдущего высказывания. На наш взгляд, это не только подтверждение итога, а подчеркивание уверенности говорящего в справедливости, правомерности информации.

Подключенное устройство требует слишком много электроэнергии. Вот так-то.

(РБК Daily, 2011.02.15)

– Планы у меня – сессию сдать.

– Вот так-то! Серьёзные нынче красавицы пошли.

(«Комсомольская правда», 2003.05.06)

Поселок Коктебель в тысяча девятьсот сорок четвертом году был переименован в Планерское. Вот так-то!

(к/ф «Кактебель»)

По линии в ВЦСПС большим человеком стал! Вот так-то!

(к/ф «Менялы»)

Вот так-то, Павел, не делай добрых дел.

(к/ф «Слуга»)

В данном примере метакоммуникатив находится в препозиции, что обычно бывает при последующем обращении. Он подытоживает некую коммуникативную ситуацию негативного содержания, на что указывает последующее высказывание, являющееся выводом из неё, представляющим собой совет.

Исключение, милый мой, подтверждают правила! Вот так-то!

(к/ф «Неоконченная пьеса для механического пианино»)

Вот так-то, - после повисшей паузы поддержал молодого человека Лужков.

(«Известия», 2006.09.27)

Вот так-то: дела ещё нет, а арест уже есть!

(«Труд-7», 2006.08.01)

Как видим, в приведённом примере последующий контекст помогает понять комментирующий смысл метакоммуникатива, который выполняет не только текстообразующую (связующую) функцию, но и выражает негативную оценку происходящего.

И теперь я посещаю шансы специального массажа и хочу в тренажерный зал. Вот так-то.

(«Труд-7», 2006.05.04)

Планы у меня – сессию сдать. Вот так-то!

(«Комсомольская правда», 2003.05.06)

"За что боролся, на то и напоролся?!" Вот так-то, брат.

(Ю.О. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»)

Я предпочитаю, чтобы вам платили зарплату за то, что вы не будете работать, чем за такую работу. Вот так-то, уважаемый, всего хорошего.

(В. Войнович «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру»)

Вот так-то: в то время как на широте Новосибирска жалась к земле чахлая приледниковая тундра... первобытным жителям Алтая нужны были холодильники!

(А. Константинов. «Предок из пальца». «Русский репортер» №34/212 сентябрь 2011г)

Вот так-то, Сафроша, если жить хочешь, придется тебя у нас поработать лабораторным зайчиком.

(«Науки и жизнь», 2009. С.Ю. Бакатов, Сафрон «Записки ветеринарного врача»)

Данный метакоммуникатив, как видно из следующего примера, может предварять информацию, но и в этом случае он не перестает быть сигналом того, что в предыдущем высказывании, или более широком контексте была передана информация, нуждающаяся в итоговом выводе. Последующее высказывание после метакоммуникатива, как правило, представляет собой некую сентенцию, важную для слушающего мысль.

Метатекстовыми показателями концовки информационного сообщения являются и метокоммуникативы *вот и всё*, или его вариант *ну и всё*, за которыми, как правило, следует мена коммуникатнта, мена темы или мена режима диалога или разговорного монолога, впервые выделенного Н.Ю. Шведовой как особого типа диалогической речи.

Если обратиться к структуре, композиции разговорных монологов, то есть к повествовательным фрагментам-нарративам, то станет очевидным, что в них имеются базовые инвариантные компоненты: зачин, экспозиция, осложнение, развязка и кода. Метакоммуникативы *вот так-то*, *вот так вот*, *вот и всё* и *ну всё* являются сигналами коды.

– *Она рассказывала, что когда его переводишь, надо всё время делать купюры.*

– *Да-а-а!*

– *Вот так вот.*

(Разговорная речь. Тексты)

– *Это захват территорий. Вот и всё.*

(Из беседы в Новосибирске. // Фонд «Общественное мнение», 2007)

Вот так я стал метеорологом. Вот и всё.

(д/ф «Письма из провинции», ТК Культура, 2009)

Я просто видеть тебя не желаю, вот и всё.

(к/ф «Исчезнувшая империя», 2008)

По-моему, проще принять такой простой вывод, что язык богаче языкознания. Вот и всё.

(Из заседания фонетической комиссии РАН // Фонотека ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2008)

Скучно мне. Вот и всё. Разговор двух сестер.

(Из материалов Ульяновского университета, 2007)

Никуда я не пойду! Вот и всё!

(к/ф «Бедные родственники», 2005)

Что касается метакоммуникатива *да вот*, то он используется в начале ответа на вопрос для указания на готовность говорящего к объяснению своего поступка, поведения или мнения:

– *Что будете делать?*

– *Да вот собираемся сходить в кино!*

(Из разг. речи)

– *Что случилось?*

– *Да вот кошелёк не могу найти.*

(Из разг. речи)

О завершении диалогического взаимодействия, обусловленного успешной реализацией коммуникативной цели, может сигнализировать метакоммуникатив *ну ладно*.

– *Тебе нужно доехать до вокзала на автобус номер 120.*

– *Ну ладно, спасибо.*

(Из разг. речи)

Иногда такой сигнал завершения диалога диктуется волей говорящего. В этом случае он эксплицирует намерение коммуниканта прекратить разговор на нежелательную тему:

–Ну ладно, проехали.

Метакоммуникатив, в состав которого входит лексема *ладно*, может служить эксплицитным вербальным сигналом завершения темы самим говорящим, её развившим, например:

– ...в последнее время я очень часто об этом задумываюсь. Страшно даже бывает. Вот, ну да ладно.

(Л.Е. Кройчик // газета «Воронежский университет»)

В данном примере выражение *ну да ладно* функционирует как метакоммуникатив, обозначающий границу коммуникативного эпизода и является сигналом эмоциональной усталости коммуниканта и переходом к новой, эмоционально более благоприятной теме. Речь в этом случае идёт именно о метакоммуникативе, поскольку данная структура не формирует собой речевого акта, что свойственно только коммуникативам, а участвует в организации метатекста.

В функции размыкания коммуникативного контакта и этикетного оформления ситуации прощания, когда уже реализованы коммуникативные намерения коммуникантов, коммуникативный эпизод подходит к концу, выражение *да ладно* становится сигналом прагматической исчерпанности.

– Ну не сердись, я не права.

– Да ладно.

(Из разг. речи)

- 1) *– Я ей позвоню и узнаю все.*
- 2) *– Хорошо.*
- 3) *– Ну ладно. Попытаюсь узнать.*
- 4) *– Ладно, договорились. Пока.*

Заключительные эпизоды приведенных диалогических фрагментов представляют собой взаимодействия партнёров по общению с целью принятия решения. В (3) представлена коммуникативная ратификация,

то есть соглашение о достижении желаемого результата, которая сигнализирует о завершении диалога и о реализованности коммуникативных намерений его участников. В (4) – этикетный эпизод прощания.

И.Н. Борисова вводит в научный оборот понятие коммуникативной ратификации как одну из разновидностей «метакоммуникативных сигналов прагматической исчерпанности коммуникативного взаимодействия». Под коммуникативной ратификацией исследователь понимает «достижение коммуникантами своеобразного согласия об исчерпанности коммуникативного события, или эпизода и реализованность коммуникативных интенций, психологическое состояние удовлетворенности состоявшимся актом коммуникации» (Борисова, 2005:27). Коммуникативная ратификация наступает в заключительной фразе диалога. *(Ну) ладно! (Ну) давай! Ну всё!* Являются сигналами прагматической исчерпанности в конце коммуникативного эпизода.

Волюнтативные сигналы завершения коммуникативного эпизода, имеют место, когда они эксплицируют намерение одного из коммуникантов прекратить разговор на нежелательную тему. Это сигнал эмоциональной нежелательности, ситуативной табуированности или неуместности темы.

– *Что ты сказала?*

– *Ладно, проехали.*

(Из разг. речи)

– *Ты позвони ей.*

– *Хорошо.*

– *Ну ладно, договорились.*

(Из разг. речи)

Здесь мы наблюдаем заключительный коммуникативный эпизод, в котором происходит взаимодействие с целью принятия решения. Лексическим маркером завершения эпизода выступает глагол *договорились*.

Вот типичные разговоры по телефону:

– *Не говори, у него один иллюзии.*

– *Ну ладно, золотые, давай, счастливенько.*

– *Хорошо, пока.*

(Разговорная речь, Тексты)

– *Как ты себя чувствуешь?*

– *Да ничего, нормально. Я даже выходила сегодня.*

– *Ну ладно, дорогая, не буду тебя отвлекать, счастливо, пока!*

(Разговорная речь, Тексты)

Таким образом, можно сказать, что есть все основания для выделения метакоммуникативов как особой группы экспрессивных синтаксических конструкций, выполняющих метатекстовые функции.

Выводы

Выявленная метатекстовая функция экспрессивных синтаксических построений позволяет их объединить в класс метакоммуникативов. Метакоммуникативы, как показал анализ материала, выполняют многообразные текстовые функции. К ним относятся следующие:

- 1) обозначение перехода от одной темы к другой;
- 2) функция привлечения внимания к особой значимости последующего высказывания;
- 3) функция итоговой концовки речи в завершающих диалог репликах;

4) функция вывода из предшествующего высказывания;

5) функция открывания целого блока любой информации;

6) функция обозначения готовности объяснения причин своего поведения;

7) функция замыкания интеракции.

Глава 4

Функционально-семантическая и прагматическая характеристика коммуникем

Неоспорим тот факт, что средства языка не только являются способом выражения мысли, но и способом выражения эмоциональной реакции человека на окружающую его действительность. Функции эмоций заключаются в оформлении субъективного отношения к явлениям объективным. Синтаксические экспрессивные построения в живой русской речи, передающие различные эмоции говорящего, имеют свою формальную и семантическую специфику, но самое главное они отличаются от коммуникативов, рассмотренных в работе ранее, но своей прагматической направленности. Смысловым содержанием коммуникем – так мы будем их называть – вида являются непосредственная экспрессивная оценивающая реакция на сделанное, сказанное, увиденное или услышанное. Коммуникемы служат выражением отрицательной или положительной оценки, а также они могут передавать оценку амбивалентно. Обусловлены они непреднамеренностью, произвольностью диалогического общения.

Коммуникемы передают эмоционально-оценочную характеристику, в большинстве случаев негативную, отрицательную, реже положительную или амбивалентную. В то же время они, способны передавать различные эмоциональные состояния субъекта, эмоциональную оценку речевой ситуации. Какого-либо события, а также в зависимости от контекста – ментальное состояние субъекта.

Разумеется, коммуникемы могут изменять свои прагматические функции в зависимости от коммуникативного намерения собеседника и

от коммуникативной ситуации в целом. Одна и та же коммуникема может выполнять противоположные функции. Так, коммуникема, например: *вот это да* экспрессивно может одновременно в разных ситуациях выражать восхищение, удивление, недоумение, разочарование или пренебрежение. Такие эмоции имеют прагматическую направленность на самого говорящего: они импульсивные, что и отличает их от коммуникативов, имеющие четкую прагматическую целенаправленность на собеседника. Волевое давление на него, чего не наблюдается у коммуникем.

Эмоциональный компонент значения коммуникем полностью вытеснил денотативное и сигнификативное значение, прочная связь их с контентом и зависимость от коммуникативной ситуации привела к тому, что:... «при попытке вынуть эти слова из контекста, от их семантики ничего не остается» (Баранов, Плунгян, Рахилина 1993:8).

Если коммуникативы характеризуются таким основным признаком, как выражение речевой интенции говорящего, то коммуникемы отличаются от них тем, что их основной признак – это выражение «ментально-эмоционального отношения говорящего к предмету речи или к актуальной экстралингвистической ситуации» (Шаронов 1996:90). Нужно отметить, что В.Н. Шаронов не дифференцирует по этому признаку коммуникативы и коммуникемы.

Если вспомнить А.М. Пешковского, который рассматривал нечленимые высказывания в качестве разновидности внутренней речи (Пешковский 2001:469), то для коммуникем, в отличие от коммуникативов, как правило, собеседник становится вовсе не обязательным. Однако считаем, что коммуникемы, являются «своеобразными средствами быстрого реагирования», регулируют процесс интерактивного взаимодействия коммуникантов (Шумило – Интернет – ресурс).

Рассуждая о сочетании *ну надо же* в русском диалоге, И.Н. Борисова справедливо указывает на то, что это выражение является «реактивной реакцией партии слушателя» и отводит ему «вспомогательную, второстепенную» роль, которая определяется установкой на слушание и, при гармоничном развитии диалога, на речевое поддерживание рассказчика; она (роль) ретроспективно-реактивна (Борисова 2003:199-200).

Такая партия слушателя является поддерживающей. «Эти речевые поступки, - пишет далее И.Н. Борисова, - характеризуются слабой (факультативной) иллокутивной вынужденностью», (что тоже коммуникемы отличает от коммуникативов – примечание автора). Они в принципе не обязательны для содержания, не желательны для гармоничного развития контекста, для выстраивания «собственно-коммуникативной, организующей смысловой мысли разговора» (Матвеева 1994:130).

Считается, что коммуникемы – это фразеологизмы, перешедшие во вторичные междометия, возгласы, выражающие эмоциональные реакции и состояния удивления, недоумения и решимости, досады, разочарования и т.п. Они используются, как правило, в диалоге.

Лексические характеристики эмоций беспредельны. Простой, линейной классификации эмоций быть не может, поскольку они многогранны, проявляются на разных уровнях и могут не иметь четких границ между собой.

Известно, что они возникают тогда, когда происходит нечто значимое для человека, и он не может остаться равнодушным к происходящему.

В узком понимании эмоции – это реакция на конфликтность ситуации, невозможность адекватного восприятия, непредвиденность в отношении к развитию событий и т.п.

Необходимо сделать замечание о том, что в данной работе термины «эмотивность» и «эмоциональность» интерпретируются как синонимы.

Эмотивность – имманентно присущее «языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональности как факт психики» (Шаховский, 2008).

Л.А. Пиотровская, определяет «эмотивность как функция языковых единиц, связанную с выражением эмоционального отношения, говорящего к объективной действительности непосредственно или к содержанию значимых единиц языка (номинативных и коммуникативных)» (Пиотровская 1993:42).

Необходимо сделать замечание том, что в данной работе термины «эмотивность» и «эмоциоанльность» интерпретируются как синонимы.

Коммуникемы можно отнести к собственно эмотивной лексике, так как они непосредственно выражают эмоций, не называя их при этом. Они выражают не направленные прямо на собеседника эмоции, а скорее являются знаками эмоционального речевого поведения как результата эмоционального отношения, говорящего к миру.

Мы упоминали ранее о «вторичных междометиях». Бытовало мнение о том, что междометия представляют собой явление «скорее физиологическое, никак не связанное с интеллектуальным языком». Все, что способны выразить данные единицы – это только голые «докогнитивные ощущения, не более того: что касается до междометия, оно вовсе не слово» (<http://psibook.com/linguistics/o-znakovoy-prirode-mezhdometiy.html>).

«Парадоксальными единицами» их называет Л.Г. Бабенко (Бабенко 1989:69).

А.А. Потебня также утверждал, что междометие не способно выражать мысли и называл его «отголоском мгновенного состояния

души» (Потебня 2007:83). Такое скептическое отношение к данным словам можно объяснить тем, что никак не учитывалась та роль, которую междометия играют в речи, являясь важной коммуникативно-когнитивной составляющей человека. «Интеллектуальным языком», «явлением другого порядка» называл междометия Ж. Вандриес (Вандриес 1937:114).

Специфика междометий, равно как и вторичных междометий, называемых в данной работе коммуникемами, в том, что они, не обладая номинативной функцией, могут отражать эмоционально-разнообразные многочисленные ощущения и впечатления говорящего к объектам окружающей его действительности, или к ситуации в целом, или к собеседнику, не оказывая на него волевого давления.

Коммуникемы – это важная часть живого разговорного языка с широким диапазоном значений, выражаемых интонационно и в рамках определенной речевой ситуации, которая представляет собой стимул к её порождению.

Л.Г. Бабенко для отображения эмоции языковыми знаками предложила термин «эмотивный смысл». Именно такое понятие может быть представлено как аналог лексического значения коммуникем, которое выражено имплицитно. Эмотивные смыслы и есть те специализированные семантические компоненты, которые свойственны коммуникемам.

Эмотивные смыслы отчетливо передают базовые эмоции, которые, по утверждению К. Изарда, с необходимостью должны обладать следующими признаками:

- 1) иметь отчетливые и специфические нервные субстраты;

2) проявляться при помощи выразительной и специфической конфигурации мышечных движений лица (мимики);

3) обнаруживать отчетливое и специфическое переживание, которое осознается человеком;

4) являться результатом эволюционно-биологических процессов;

5) обладать способностью оказывать организующее и мотивирующее влияние на адаптацию человека (Изард 1999:55).

Чаще всего выделяют 3 вида эмоций:

1) положительные (радость, восторг, удивление);

2) отрицательные (печаль, гнев, страх, раздражение, разочарование);

3) амбивалентные (удивление, равнодушие, жалость) (Ильюшина, 2007:24).

Именно к этим видам эмоций, как правило, имеют отношение (референцию) коммуникемы. Рассмотрим их функционально-семантические характеристики.

В русской разговорной речи существуют коммуникемы, выражающие такие положительные эмоции, как восторг, изумления и восхищения. К ним мы относим *ну и ну, вот это да, ух ты, ишь ты, вот так так* и др.

Необходимо отметить, что отнесение таких коммуникем к единицам, выражающим положительные или отрицательные эмоции, чрезвычайно затруднительно, поскольку критерием их дифференциации служит мимика, интонация и контекст.

Хорошо объясняет эмотивные смыслы коммуникемы *вот это да* К. Паустовский: «такая легкая улыбка появлялась на этом лице

(девушки), что краснофлотцы только вздыхали и говорили про себя: «*Вот это да!*» В этом возгласе было и восхищение, и благодарность и любовь» (К. Паустовский. «Дым отечества»).

Об этой группе писали А. Баранов и Д.О. Добровольский: «Есть группа речевых формул, которая характеризует такие случаи, когда триггером оказывается когнитивное (в том числе эмоциональное) состояние говорящего. В состав этой группы входят идиомы, выражающие удивление, *вот тебе на, елки-палки, ишь ты, надо же, ничего себе, ну и ну*, или недовольстве *слов нет*. Эти построения не комментируют происходящее, не информируют адресата о состоянии говорящего (во всяком случае это не прямая их функция), а являются речевым способом ослабления силы эмоционального или психологического состояния субъекта, которое грозит нарушить нормальное функционирование психики человека» (Баранов, Добровольский 2003:40).

Авторы статьи предлагают называть указанные речевые формулы «эмоциональными отдушинами» или «эмоциональными предохранителями».

Рассмотрим примеры:

– *Это вам, городским, сначала трудно, а потом обживаешься, коровку заведешь...*

– *Ну да, коровку!* – лукавил я.

– *Вот это да!*

(Б. Окуджава. «Искусства кройки и житья»)

В этом контексте остается не вполне ясно, какую эмоцию выражает адресат. Однако понятно, что он удивился, но удивление может быть вызвано как положительным, так и отрицательным впечатлением. Чтобы точно определить эмотивный смысл коммуникемы, нужно обладать фоновыми, пресуппозиционными

знаниями об отношениях коммуникатов, а так же об отношении адресата к самому факту приобретения коровы. Считаем, что эта (и подобные ей) коммуникемы амбивалентно и относятся к экспрессивным синтаксическим конструкциям, способным передаваться эмоцию удивления как со знаком (+), так и со знаком (-).

К.Э. Изард раскрывает сущность удивления следующим образом: «Удивление порождается резким изменением стимуляции. Внешней причиной для удивления служит внезапное неожиданное событие. Этим событием может быть удар грома, вспышка фейерверка или неожиданное появление друга...» (Изард 1999:190). Диффузность эмоции удивления проявляется в том, что она может сопровождаться недоумением, сомнением, смущением, интересом, тревогой, страхом и восхищением.

Удивление с оттенком восхищения, восторга, одобрения выражено в следующих текстовых фрагментах:

Левин улыбнулся, напряжил руку и под пальцами Степна Аркадьевича, как круглый сыр, поднялся стальной бугор, из-под тонкого сукна сюртука.

– Вот это да! – В присвистнул он.

(Л. Толстой. «Анна Каренина»)

Просто я взял решение синоптиков ещё в шесть утра, когда они его обсуждали... Вот это да! – восхищением подумал Кочин

(Стругацкие. «Полдень, XXII век»)

Он, сложив руки на груди, долго с восторгом смотрел на знамя, которое держал в руках старшина Ковальчук.

– Вот это да! – Сказал он после молчания – Дрожь берет!

(К. Симонов. «Живые и мертвые»)

Жилин оглядел их. Вот это да! – подумал он. – неужели и у меня такая морда?

(Стругацкие. «Путь на Амальтею»)

Мизинчиков слушал с жадным любопытством; он даже как-то преобразился в лице, когда дошло до пятнадцати тысяч.

Вот это да! – сказал он, выслушав рассказ

(Ф.М. Достоевский. «Село Степнчиково и их обитатели»)

Все орудия без приказа были в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали солдаты к каждому выстрелу: Вот так, так! Ловко!

(Л. Толстой. «Война и мир»)

Вот так, так! выехала встречать Настю сама Ольга Карпова!

(В. Тендряков. «Подёнка – век короткий»)

Восхищение говорящего вызвано предварительными фоновыми знаниями о том, что персонаж раньше никогда никого не выезжала встречать.

Коммуникема *вот так так* становится средством выражения досадливого удивления растерянности, например:

– Если измерить в километрах, то не больше двадцати, а если по времени считать, то часа полтора затратите. Здесь дорога плохая – прошли дожди и все развезло.

*– Вот так так! – Ромашов вытаращил глаза и слегка присел.
– Надо бы ему на чай, а у меня ничего нет.*

(Куприн. «Поединок»)

И неодобрительного, удивления:

Никита: Вот так так! Я рассчитываю, как лучше дело обсудить, а она вон так: жениться велит.

(Л. Толстой. Власть тьмы)

Справедливо мнение Е.В. Клобукова о том, что сочетание *вот так так* может «выражать внимание адресата к получаемой информации, его заинтересованность в коммуникации» (Клобуков 1996:201)

Удивление с оттенком, неодобрения, порицания, негативную оценку выражены в следующих контекстах:

Жилин оглядел их. Вот это да! – подумал он. – Неужели и у меня такая морда?

(Стругацкие. «Путь на Амальтею»)

Таня: Вот только жаль, что в дом вошло что-то чужое, неприятное.

Леонид: Зовут это чужое – Леночка?

Таня: Не знаю, скорее федор.

Леонид: Вот так да! Почему?

(В. Розов. «В поисках радости»)

В следующем примере указанной коммуникемой выражено удивление с явным одобрением:

Если их Хабаровска вылетим в восемь часов, то в шесть часов будем в Москве.

– Две тыщи сто километров в час! Вот это да!

(Разговорная речь. Тексты)

– Так вы и предсказывать можете? – Вот это да!

(Из разг. речи)

Как видим, указанные сочетания – это не только и не столько «эмоциональные поддакивания», но и эмоциональные оценки, сопутствующие такому эмоциональному переживанию, как удивление.

За выражением эмоционального осуждения закрепились в русской разговорной речи коммуникема *это ж надо*. Такова реакция на просмотр ТВ новостей о событиях в Украине:

– *Это ж надо – три тысячи погибло!*

(Из разг. речи)

Существенно то, что эта коммуникема и выражаемая ею реакция становится возможной только в том случае, когда объектом оценки является некое 3-е лицо. Говорящий тем самым проявляет солидарность с собеседником.

То же самое касается и коммуникемы *ну и ну*. В следующем примере, где только контекст позволяет интерпретировать это построение как выражение отрицательной эмоции, поскольку нельзя положительно относиться к факту разрушения чего-либо.

– *И все глядели на Сергея Петрикова, которой суетился около своей разрушенной печки и восклицал:*

– *С чего бы это она, господа?*

Но ему ничего не говорили. Только говорили:

– *Ну и ну!*

(М. Зощенко. «Поимка вора оригинальным способом»)

Тоскливый, тягучий рев заполняет стойбище. Ну и ну! – ужасаюсь я.

(В. Скрипкин. / «Тинга» // Октябрь, 2002)

Тут её взгляд упал на зеркало, и она удивила себя полуголой: Ну и ну! – она покачала головой...

(Худ. текст)

Не случайно в интернете существуют сайты под названием: *Ну и ну!* один из них называет подборку криминальной хроники, другой, называется: *Ну и ну! Этот удивительный мир!*

Этот факт говорит о том, что коммуникемы, так же, как и коммуникативы, могут употребляться в изолированной позиции, самостоятельно, что делает их подобными синтаксемам.

В этом смысле любопытна коммуникема *вот так как*. Она способна выразить целую гамму эмоциональных состояний как положительных, так и отрицательных, но всегда это будет удивление.

– *Тебе завтра в 10 часов нужно быть у декана.*

– *Вот так так! У меня были другие планы*

(Из разг. речи)

Одобрительное удивление или восхищение выражается коммуникемой *вот тебе раз*.

– *Вот тебе раз! А говорила, что плохо рисуешь, молодец, очень похоже...*

(Из разг. речи)

Данная коммуникема служит эмоциональной реакцией на неожиданность события или поступка с оттенком разочарования из-за невозможности узнать его автора:

– *Свет, Света-а! Иди скорее сюда, смотри, что тебе прислали!*

– *Вот тебе раз! А записки нет?*

(Из разг. речи)

Удивление с оттенком недоумения выражено этой коммуникемой в следующих текстовых фрагментах:

Шура: Яков, скажи честно: что такое Тятин?

Лантев: Вот тебе раз! Ты же почти полгода ежедневно видишь его.

(М. Горький. «Егор Булычов и другие»)

– *У себя обер-полицмейстер? – вскричал он, зашедши в сени.*

– *Никак нет, отвечал привратник: – только что уехал.*
– *Вот тебе раз!*

(Н. Гоголь. «Нос»)

– *До свидания!*
– *Вот тебе раз! Мадам была в полном недоумении.*
– *Вы же не бросите меня одну?*

(Худ. корпус)

...она не отстранялась, он сжал крепче её руку и поцеловал её в губы.

– *Вот тебе раз! – проговорила она и, быстрым движением вырвав руку, побежала прочь от него.*

(Л. Толстой. «Воскресение»)

Вот тебе раз, эти деятели уже нашли ему жену, ну и темпы!

(Худ. корпус)

Эмоциональный смысл, удивление-разочарование, недовольство может быть выражено коммуникемой *вот тебе (те) на.*

Городничий: Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович: Вот те на!

(Гоголь. «Ревизор»)

– *Тебя ищет лейтенант Павлов.*
– *А кто такой лейтенант Павлов?*
– *Вот тебе и на! А он-то утверждал, что знает тебя с детства.*

(к/ф. «Обнимая небо»)

– *Ты меня не любишь! – молвила жена.*

Муж в ответ присвистнул: – Вот тебе и на! Коли твой характер столько лет терплю. Можешь быть спокойна, дьявольски люблю!

(<http://www.stihi.ru/2011/04/09/1044>)

Эта коммуникема способна выразить горестное удивление.

*Кто-то сказал не то со страхом, не то с удивлением:
"Помер! ... Вот те на! ..."*

(М. Шолохов. «Батраки»)

В то же время в следующем контексте она же выражает одобрительное удивление или восхищение.

Пристав: Кто здесь грамотны?

Григорий: Я грамотный.

Пристав: Вот те на! А у кого же ты научился?

(А. Пушкин. «Борис Годунов»)

Семантика удивления присуща и коммуникемам *да ну, вот как, ничего тебе, надо же*, так же, как и рассмотренные ранее коммуникемы, они передают амбивалентно этот эмотивный смысл.

– Вы знаете, что я решил стать врагом у вашей постели?

– Да ну!

(В. Каверин. «Открытая книга»)

– В каждом из этих случаев исходная предпосылка заключалась в том, что Россию нельзя считать полноправным членом сообщества разверстых государств и подходящим партнером цивилизованного мира.

– Ах, вот оно что! Выходит, что, по счету большой восьмерки, Киев под газом и без одного лишь повод для масштабного наезда на российское представительство в ней.

(«Известия», 2006.01.16)

Вот оно что: семья поэтов потеряло своего, к чужим ушел, в песню – погиб для настоящей поэзии.

(«Труд-7», 2000.11.02)

Подобно молнии, в какую-то долю секунды прозрения, острое и мучительное, осенило его. Так вот оно что!

Вот оно что: та, седая в очках, сердобольная, что в правом углу стола, похожая на полурусскую, вполтину с армянской либо еврейской долей, завтра, кажется, не придет.

(В. Маканин. «Стол, покрытой сукном и с графином посередине»)

Сильное удивление изумления выражено в следующих контекстах.

– Семья-то большая, да два человека в

Всего мужиков-то: отец мой да я...

– Так вон оно что!

(А. Некрасов)

Как иголкой, насквозь прокололо меня замечание Дольского. Я сразу понял всю фальшь моей интонации, покраснел от стыда... Интонация, окраска слова – вот оно что!

(Ф. Шаляпин)

В данном примере семантика удивления обогащается значением догадки. Ещё несколько примеров.

– Много ли я тогда получал, знаешь ли?

– Тысяч шесть ассигнациями.

– Ого-го-го! Вот оно что!

(Н. Осторовский. «Шутники»)

Так, – сказал дед, – вот оно что! чертово зелье куришь? Не рано ли?

(М. Горький. «В людях»)

Синонимичной коммуникемой является сочетание *вот оно как*.

И Книжная коллекция. Братья Зои и отец.

– Вот оно как! Две семьи раскулачивали?

(Ф. Абрамов)

Эмоциональная догадка заключена в коммуникеме *вот оно*:

Сердце вдруг бешено застучало. Вот оно! Вот, оказывается, что тревожило и не давало покоя!

(«Комсомольская правда», 2009.03.24)

Приведённое сочетание может также выполнять функцию выражения экспрессивного эмоционального принятия какого-либо найденного решения.

«Великие художники» и «Книжная коллекция». Вот оно! Буду рекламировать книги.

(«Комсомольская правда», 2010.10.16)

Удивление и возмущение в русском диалоге может быть выражено сочетанием *ну как же*.

– Узнаёшь Крыловых? – спрашивала бабушка, а я пожала плечами.

– Ну как же? Смотри внимательно!

(О. Робски. «В горе и в радости»)

Исследованный материал снова возвращает нас к экспрессивному сочетанию *да ладно*, но уже с другим имплицитно выраженным коммуникативно-прагматическим заданием, которое заключается в выражении эмоциональной реакции адресата на инициальную реплику адресанта. Здесь можно привести следующие примеры:

– Надо же, какая ты стала!

– Да ладно!

(Из разг. речи)

Журналистка: Вы были в комнате и у вас была прекрасная прическа.

Д. Билан: Да ладно!

(Программа «Голос» 20.09.2013)

– Вы действительно талантливы.

– Да ладно!

(НТВ программа «Центральное телевидение» 22.09.2013)

В приведенных примерах коммуникема *да ладно* является эмоциональным смыслом отклонения похвалы, что свидетельствует об излишней скромности адресата. По нашим наблюдениям она является типичной реакцией на комплимент в русском общении.

Коммуникема *да ладно* может предавать эмоцию удивления, смешанного с недоверием к переданной информации и одновременно радостью от чувства. В этом случае эта коммуникема становится синонимичной вопросительной частице *неужели* и *разве* (*разве, неужели это возможно*, также выражающими вопрос с сомнением, недоверием), но коммуникема *да ладно* закрепилась в разговорном диалоге как сигнал радостного удивления от, казалось бы, чего-либо невозможного для осуществления.

– Мы звонили вашему Игорю, и он приедет сюда на передачу.

– Да ладно!

(Программа «Модный приговор» 21.03.2014)

– Вы получите 20%

– Да ладно!

(к/ф «Возвращение Мухтара»)

Коммуникема *да ладно* в некоторых контекстах является синонимом выражению *не может быть*.

– Что случилось?

– Инспектор сбежал!

– Да ладно!

(к/ф «Не отпускай меня»)

Е.В. Миронов: Меня никогда не брали в сказки.

И. Ургант: Да ладно!

(Программа «Вечерний Ургант» 25.12.2013)

Ю. Меньшова: У Илоны родилась внучка. Какие чувства?

И. Бреневицкая: Никаких.

Ю. Меньшова: Да ладно!

(Программа «Наедине со всеми» 04.12.2013)

Необходимо подчеркнуть необыкновенное многообразие эмоциональных реакций, передаваемой коммуникемой *да ладно*. Её имплицитное содержание зачастую трудно поддается однозначной интерпретации в контекстах, представляющих собой категориальную эмоциональную ситуацию, являющуюся инвариантом реальных жизненных ситуаций.

Выводы

Проанализированный материал позволяет констатировать наличие коммуникем, назначение которых заключается в передаче впечатлений от услышанного или увиденного. Эти эмоциональные впечатления превращаются в непосредственные экспрессивные реакции, возникающие непроизвольно, часто неосознанно в русском диалогическом общении.

Исходя из понятия диффузности эмоционального удивления – одной из главных функций коммуникем – выделяются следующие частные его разновидности: недоумение, сомнение, смущение, интерес, тревога, огорчение, страх и восхищение. Понимание перечисленных частных значений удивления зависит от фоновых, пресуппозиционных

знаний, которые могут обеспечить более широкий контекст. Только в этом случае можно определить конкретные имплицитные смысла таких коммуникем, как *вот так так, вот так да, вот это да, это ж надо, ну и ну, вот тебе раз, вот тебе на* и др.

Широкий диапазон функционирования в русском диалоге получает коммуникема *да ладно*, которая может имплицитно передавать эмоцию удивления вместе с недоумением, недоверием и радостью.

В ходе анализа было выяснено, что в зависимости от контекста, характера реплики-стимула в диалоге и коммуникативной ситуации в целом экспрессивные конструкции с опорным словом *ладно* (*ну ладно, да ладно, ну да ладно*) могут выполнять функции, и коммуникативов, и метакоммуникативов, и коммуникем.

Заключение

Основными стимулами к исследованию функционально-семантических и прагматических функций экспрессивных синтаксических конструкций в русской живой разговорной речи, которая сегодня завоёвывает всё более широкое жанровое пространство, послужили: неоднозначность их трактовок в лингвистической литературе; сложность выведения импликатур из-за имплицитности и амбивалентности выражения заключённых в них коммуникативных смыслов.

Анализ экспрессивных синтаксических построений, чрезвычайно распространённых в русских диалогах, показал, что их состав может быть представлен в виде трёх разновидностей: коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы.

По результатам предпринятого нами исследования, основными функциями экспрессивных сочетаний являются: речеактовая, метаязыковая и эмоционально-оценочная функции. Речеактовая функция закрепилась за коммуникативами; метаязыковая – за метакоммуникативами; экспрессивно-оценочная – за коммуникемами.

Функционально-семантический и прагматический анализ коммуникативов, выражающих коммуникативную функцию согласия, позволил выявить частные разновидности этого значения в ответных репликах-реакциях русских разговорных диалогах. К ним относятся: 1) согласие-подтверждение; 2) согласие-удивление; 3) уверенное согласие; 4) категорическое согласие; 5) ироническое согласие; 6) подчёркнутое согласие; 7) согласие-разрешение; 8) вынужденное согласие; 9) согласие-уступка; 10) согласие-сочувствие; 11) согласие-оценка; 12) согласие-шутка; 13) горделивое согласие; 14) согласие-солидарность.

Интенция несогласия, передаваемая коммуникативами, имеет следующие разновидности: 1) несогласие-опровержение; 2) несогласие-возражение; 3) несогласие-недовольства; 4) несогласие-неодобрение; 5) ироническое несогласие; 6) несогласие-отрицание; 7) оценочное несогласие; 8) категорическое несогласие; 9) запрет; 10) отказ; 11) несогласие-возмущение.

Кроме того, коммуникативы в русской разговорной речи, в диалогическом взаимодействии способны передавать интенции безразличия и разнообразных побуждений. Среди директивных коммуникативов, в результате предпринятого исследования, выделены коммуникативы-просьбы; коммуникативы-запреты; коммуникативы-советы, коммуникативы-успокаивания, коммуникативы-угрозы.

Исследование экспрессивных синтаксических конструкций также позволило выявить среди них такие построения, которые в русском языке и речи выполняют метатекстовые функции. Такие сочетания в нашей работе названы **метакоммуникативами**. К ним мы отнесли следующие построения: *вот так, вот так-то, вот и всё, ну и всё, ну и вот, так вот.*

Эти метакоммуникативы выполняют следующие метакоммуникативные функции:

- 1) предваряют собой целый блок любой информации;
- 2) оформляют вывод из информации, содержащейся в предшествующем высказывании или контекста в целом;
- 3) позволяют говорящему и пишущему вернуться к прежней теме или коммуникативной ситуации в целом;
- 4) маркируют переход от одной темы к другой и регулируют процесс общения в целом.

Проанализированный материал позволяет констатировать наличие среди экспрессивных синтаксических конструкций коммуникем, назначение которых заключается в передаче впечатлений от услышанного или увиденного. Эти эмоциональные впечатления превращаются в непосредственные экспрессивные реакции, возникающие непроизвольно, часто неосознанно в русском диалогическом общении.

Исходя из понятия диффузности эмоционального удивления – главного значения коммуникем – выделяются следующие частные его разновидности: недоумение, сомнение, смущение, интерес, тревога, огорчение, страх и восхищение. Понимание перечисленных частных значений удивления зависит от интонации, контекста и от фоновых, пресуппозиционных знаний, которые могут обеспечить более широкий контекст. Только в этом случае можно определить конкретные имплицитные смыслы таких коммуникем, как *вот так так, вот так да, вот это да, это ж надо, ну и ну, вот тебе раз, вот тебе на* и др.

Выявлен чрезвычайно широкий диапазон функционирования в русском диалоге коммуникемы *да ладно*, которая может имплицитно и амбивалентно передавать удивление вместе с недоумением, недоверием и радостью.

Список использованной литературы

1. Андреева С.В. Коммуникативно-синтаксические единицы устной русской речи / С.В. Андреева. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2005. – 192 с.
2. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции. – М.: Ком Книга, 2006. – 192 с.
3. Анищенко А.В. Междометия как выразители эмоций / А.В. Анищенко // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. – Волгоград: Центр, 2004. – С. 26-35.
4. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. – М., 1990. – С. 77-81.
5. Арутюнова Н.О. Язык и мир человека / Н.О. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке (монография) – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.
7. Баделина М.В. Отношения согласия между репликами диалогических единств: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Иваново, 1997. – 18 с.
8. Балаян А.Г. К проблеме функционально-лингвистического изучения диалога / А.Г. Балаян // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1971. – Т 30. – Вып. 4. – С. 325-331.
9. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: УРСС, 2001. – 392с.
10. Баранов А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
11. Баранов А.Н. Грамматическая фразеология: возможность компьютерного анализа / А.Н. Баранов // Фразеография в машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С. 131-140.

12. Баранов А.Н., Бонно К., Василевская Н.Б. Дискурсивное слово русского языка: опыт контекстно-семантического описания / А.Н. Баранов, К. Бонно, Н.Б. Василевская. – М.: Метатекст, 1998. – 446 с.
13. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания, 1992. – №2.
14. Баранов А.Н., Иванова Е.А. Лексические показатели минимальных диалогов / А.Н. Баранов и Е.А. Иванова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1999. – №1. – С. 76-87.
15. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос / А.Н. Баранов и И.М. Кобозева // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1998. – С. 45-69.
16. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993.
17. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос / А.Н. Баранов, И.М.Кобозева // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 45-69.
18. Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка). Диссер. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 222 с.
19. Белова В.М. Функционально-семантические особенности дискурсивных слов в жанре мемуаров / В.М. Белова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – №1. – С. 50-53.
20. Белоусова Т.П. Семантика безразличия в отфразеологической лексике современного русского языка / Т.П. Белоусова // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения. – Елец-Москва, 2006. – Т2. – С. 169-175.
21. Блохина И.А. «Вот это да!» Междометные высказывания в речи /

- И.А. Блохин // Русская речь, 1998. – №1. – С. 83-86.
22. Блохина И.А. Типологические свойства и коммуникативные смыслы междометных высказываний: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990.
23. Блохина И.А. Типологические свойства и коммуникативные смыслы междометных высказываний: диссертация кандидата филологических наук. – М., 1990. – 242 с.
24. Богданова Н.В. О корпусе текстов живой речи: новые поступления и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии Вып. 9 (16) По материалам международной конференции Диалог (2010), – М., 2010. – С. 35-40.
25. Богуславский И.М. Исследование по синтаксической семантике / И.М. Богуславский. – М., 1985.
26. Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на интонирование (на примере частиц Же и Ведь) / К. Бонно и С.В. Кодзасов // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. – М.: Метатекст, 1998. – С. 421-432.
27. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. – С. 21-48.
28. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: зоны толерантности и нетолерантности общения / И.Н. Борисова // философские и лингво-культурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 371-397.
29. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики / Т.В. Булыгина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – №4. – С. 333-342.
30. Бухарин В.И. Коммуникативный синтаксис в преподавании

русского языка как иностранного. – М., 1986.

31. Валеева Л.В. Семантика междометий в аспекте функциональной омонимии / Л.В. Валеева // Культура народов Причерноморья, 49/2004. – Т 1. – С. 159-163.

32. Валимова Г.В. К вопросу о коммуникативных единицах / Г.В. Валимова // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-на-Дону, 1971. – С. 21-26.

33. Вандриес Ж. Язык, Лингвистическое введение в историю. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 409 с.

34. Васильева А.Н. Частицы разговорной речи / А.Н. Васильева. – М., 1964.

35. Вежбицка А. Семантика междометий / А. Вежбицка // Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – С. 611-647.

36. Вежбицкая А. Русский язык / А. Вежбицкая // Язык, культура, познание. – М., 1996.

37. Викторова Е.Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языка): Автореф. ... диссер. канд. филол. наук. Саратов, 1999. – 17 с.

38. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – М.: АН СССР, 1954. – №1. – С. 9-17.

39. Винокур Т.Г. К характеристике говорящей интенция и реакция / Т.Г. Винокур // Язык и личность. – М., 1989. – С. 11-23.

40. Витт Н.В. Речь и эмоции / Н.В. Витт. – М., 1984.

41. Вундт В. Психология эмоций. – М.: УРСС, 2001. – 392 с.

42. Гаврилова Г.Ф., Кожина Е.К. Коммуникативы в системе синтаксиса: коммуникативы и предложения / Г.Ф. Гаврилова, Е.К. Кожина // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного, – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 67-72.

43. Галактионова И.В. Средства выражения согласия / И.В. Галактионова // Идеографические аспекты русской грамматики. – М., 1988. – С. 145-168.
44. Галактионова И.В. Средства выражения согласия II Идеографические аспекты русской прагматики / под ред. В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского. – М. Изд-во МГУ, 1988. – 203с. – С. 145-168.
45. Гастева Н.Н. Диалогические единства с побудительной исходной репликой / Н.Н. Гастева // Актуальные проблемы лексикологии и стилистики. Саратов, 1993. – С. 147-152.
46. Герасимов В.И. Прагматика устного общения / В.И. Герасимов, С.А. Ромашко // Звучащий текст. – М., 1983. – С. 173-217.
47. Герасимова О.И. Прагматическая детерминированность ответных реплик / О.И. Герасимова // Языковое общение и его единицы; Калинин: КГУ, 1986. – С. 44-48.
48. Голубева-Монаткина Н.И. Проблемы классификации вопросов и ответов диалогической речи: Автореф. диссер. ... доктора филол. наук. – М., 1990. – 37 с.
49. Голубцов С.А. Безразличие и поведенческие аспекты межличностных отношений (на материале английского и русского языков). – Краснодар, 1994. – 261 с.
50. Григорьева Т.П. Человек и мир в системе традиционных китайских учений / Т.П. Григорьева // Проблема человека в традиционных китайских учениях. – М., 1983. – С. 72-79.
51. Дагуров Г.В. О лексическом составе русских междометий / Г.В. Дагуров // Славянское языкознание, – М.: АН СССР, 1959. – С. 121-130.
52. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры / В.В. Дементьев. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – 248 с.
53. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации

высказывания / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия литература и язык. Т. 40. 1981. – №4. – С. 368-377.

54. Демьянков В.З. Загадки диалога и культура понимания / В.З. Демьянков // Текст в коммуникации. – М., 1991. – С. 87-93.

55. Диалог глазами лингвиста. Краснодар, 1994.

56. Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического анализа / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. – М., 1999.

57. Добрушина Н.Р. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий / Н.Р. Добрушина // автореф. ... диссер. канд. филол. наук. – М., 1995.

58. Добрушина Е.Р. О видах поддакивания / Е.Р. Добрушина // Вестник МГУ Серия 9 филология, 1995. – №2. – С. 87-91.

59. Добрушина Е.Р. Семантика междометий в реактивных репликах / Е.Р. Добрушина // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, 1998. – №2. – С. 53-59.

60. Добрушина Н.Р. Словарные представление междометий / Н.Р. Добрушина // Русский сегодня. – 1995. – №2. – С. 47-66.

61. Дыбовский А.С. Универсальные свойства междометий и их лингвистическое описание / А.С. Дыбовский. - Владивосток, 1983.

62. Емельянова Л.Ю. Прагмасемантический аспект высказываний сомнения: диссер. канд. филол. наук. - Тверь, 2010. – 159 с.

63. Ерема А.В. Национальная специфика выражения запрещения и отказа в русском и английском языках / А.В. Ерема // Язык и культура. Материалы рациональной научно-методической конференции. – Воронеж, 1996. – 94 с.

64. Ерофеева Т.И. Статус просторечия в современном русском языке / Т.И. Ерофеева // Русский язык сегодня. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 434-442.

65. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е.А. Земская. – М., 1987.
66. Золотова Г.А., Онипиенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
67. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 1999. – 464 с.
68. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис русского языка. / С.Г. Ильенко. – СПб.: изд-во РГПУ, 2009.
69. Ильюшина Е.С. Эмоции и их выражение в языковой картине мира / Е.С. Ильюшина // Филология и культура: Тезисы II Международной конференции, 12-14 мая, 1999. – Ч.1. – Тамбов: Издательство ГГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 48-50.
70. Инфантова Г.Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи / Г.Г. Инфантова. Ростов-на-Дону, 1973. – 136 с.
71. Иомдин Б.Л. Междометия догадки в русском языке / Б.Л. Иомдин // Диалог – 2004. – М., 2004. – С. 97-101.
72. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким / А.В. Исаченко. – Братислава, 1954. – Ч. 1. – С. 54-57.
73. Искоз А.М., Ленкова А.Ф. Выражают ли междометия понятия? / А.М. Искоз, А.Ф. Ленкова // Ученые записки ЛГУ. Серия филол. наук. – 1958. – Вып. 48. – №260. – С. 107-115.
74. Калинина А.А. Категория утверждения / отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке. Автореф. ...диссер. док. филол. наук. – М., 2011.
75. Карцевский С.О. Введение в изучение междометий / С.О. Карцевский // Вопросы языкознания. 1984. – №6. – С. 127-137.
76. Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке / В.Ф. Киприянов. – М., 1983. – 102 с.

77. Киприянов В.Ф. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке / В.Ф. Киприянов. Владимир, 1975.
78. Клобуков Е.В. Типы фатических ситуаций / Е.В. Клобуков // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. – М.: Издательство МГУ, 1996. – Вып.V. – С. 185-208.
79. Кобозева И.М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модельных частиц / И.М. Кобозева // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990. – С. 194-203.
80. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: «Просвещение», 1977. – 223 с.
81. Колокольцева Т.Н. Высказывания диалогической речи в коммуникативно-прагматическом аспекте / Т.Н. Колокольцева // Вестник Волгоградский гос. ун-та. Сер. 2 Филология. – Вып. 2. Волгоград, 1997. – С. 31-35.
82. Колокольцева Т.Н. Семантика и прагматика специфическая коммуникативных единиц диалога / Т.Н. Колокольцева // Семантика языка и текста. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 58-67.
83. Колокольцева Т.Н. Семантические особенности и прагматические функции релятивов-коммуникативов Да и Нет / Т.Н. Колокольцева // Материалы XI научной конференции профессорско-преподавательского состава Волгоградского гос. ун-та (18-22 апреля 1994 г.). Волгоград, 1994. – С. 266-271.
84. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т.Н. Колокольцева. – Волгоград, 2001.
85. Комина Н.А. Оппозитивный неоднородный блок реплик в диалоге / Н.А. Комина // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987. – С.120-125.
86. Комина Н.А. Прагматическая структура констативного блока

реплик в диалоге / Н.А. Комина // Языковое общение и его единицы. – Калинин, 1986. – С. 60-65.

87. Крамских С.В., Шмелёва Т.В. Выражение номинативных затруднений говорящего / С.В. Крамских, Т.В. Шмелева // Синтаксические связи, строение формантов и семантические отношения в сложном предложении. Калинин, 1985. С. 37-40.

88. Красных В.И. Выражение согласия-несогласия высказыванием собеседника / В.И. Красных // Русский язык за рубежом, 1970. – №1. С. 27-35.

89. Крейдлин Г.Е. Эмфатические ответные реплики в диалоге / Г.Е. Крейдлин // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы. – М.: Институт русского языка РАН, 2006. – Вып.4. – С. 283-294.

90. Крутова И.Н. Коммуникативно-прагматические функции эмотивных синтаксических идиом / И.Н. Крутова // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань: Издательство Астраханский университет, 2010. – №.2. – С.127-130.

91. Кручинина И.Н. Структура и функция сочинительной связи в русском языке. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

92. Куделькина Е.В. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом – местоименным наречием: системный и речевой аспекты/Е.В.Куделькина // Автореф. ... диссер. ...канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону. 2008. – 22 с.

93. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Культура русской речи. – Свердловск, 1992.

94. Купоросов П.А. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц современного русского языка Автореф. ...диссер. канд. филол. наук. – М., 2008. – 22 с.

95. Купоросов П.А. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц современного русского языка: диссер. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

– 169 с.

96. Курносова Н.А. Функционально-семантическое поле коммуникативов русского языка / Н.А. Курносова // Вопросы совершенствования обучения (иностранному) языку как средству межнационального общения. Ч. 2. Харьков, 1991. – С. 44-46.

97. Крысин Л.П. Человек в зеркале русской разговорной речи / Л.П. Крысин // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – Вып. №6. – С. 341-343.

98. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис / О.А. Лаптева. – М., 1976. – 399 с.

99. Лапынина Н.Н. Некоторые особенности китайского коммуникативного поведения в сравнении с русским / Н.Н. Лапынина // Студентський гуманітарний вісник [Текст]: зб. Матеріалів студ. Наук. – Практ. Конф. / Голов. Ред. А.А. Садэков. – Донецьк: Дон. НУЕТ, 2010. – Вып. 3. – С. 552-553.

100. Ларина Т. В. Фатические эмотивы и их роль в коммуникации / Т. В. Ларина // Эмоции в языке и речи. – М.: РГГУ, 2005. – С. 150-160.

101. Леденёв Ю.И. Неоднозначные слова как показатели смысловых и синтаксических отношений / Ю.И. Леденёв // Неоднозначные слова как показатели выражения семантических и синтаксических отношений.

– Ставрополь: СГПИ, 1990. – С. 3-18.

102. Леденёв Ю.И. Состав и функциональные особенности класса неоднозначных слов в современном русском литературном языке / Ю.И. Леденёв // Неоднозначные слова (Материалы в помощь студентам филологического факультета. – Ставрополь, 1974. – С. 3-239.

103. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.

104. Ломов А.М. Слова-предложения или неполные предложения? / А.М. Ломов // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-на-Дону, 1971. – С.53-59.

105. Лосева С.В. Метатекст и метатекстовая функция частиц // И новое

младое племя... Сб. трудов молодых ученых Дальнего Востока. – Хабаровск, 2001. – С. 120-125.

106. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность / Н.А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. — Новосибирск, 1976. – С. 27-33.

107. Ляпон М.В. Слова-предложения / М.В. Ляпон // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997.

108. Макаров М.Л. Отражение межличностных отношений во взаимодействии коммуникативных стратегий в диалогическом дискурсе / М.Л. Макаров // Прагматика и логика дискурса. Ижевск, 1991. – С. 66-79.

109. Максимова (Носкова) С.Э. Регулятивная функция междометий в диалоге / С.Э. Максимова // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь: ТВГУ, 1999, – Вып. 2. – С. 88-96.

110. Матвеева Г.В. Непринуждённый диалог как текст / Г.В. Матвеева // Человек-Текст-Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 125-140

111. Матевосян Л.Б. Прагматический эффект нестандартного употребления стандартных высказываний / Л.Б. Матевосян // Филологические науки, 1997. – №4. – С. 92-98.

112. Меликян В.Ю. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения / В.Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону, 2002.

113. Меликян В.Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем / В.Ю. Меликян // Вопросы языкознания, 1999. – №6. – С. 42-49.

114. Меликян В.Ю. Модели построения нечленимых предложений со значением утверждения (отрицания) / В.Ю. Меликян // Русский язык в школе, 1999. – №5. – С. 71-82.

115. Меликян В.Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь / В.Ю. Меликян. – Ростов - на - Дону, 1999. – 200 с.
116. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: изд-во РГПУ, 2004. – 288 с.
117. Меликян В.Ю. Экспрессивные текстообразующие функции коммуникем / В.Ю. Меликян // Филологические науки, 1998. – №1. – С. 52-61.
118. Минченков А.Г. Прагматические функции частицы Вот и их отражение в переводе / А.Г. Минченков // Сб. ст. *Studia Linguistica* — 7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода. СПб.: Тригон, 1998. – С. 349-354.
119. Миревич А. Основные функции частиц в современном русском языке / А. Миревич // Лексикографический сборник. – М., 1962. – Вып. V. – С.104-111.
120. Морозова О.Н. Типология реплик согласия / несогласия в динамической модели диалога // *Язык в мультикультурном мире*. – Самара; Сам. ГПУ, 1999. – С. 243-245.
121. Нагорный И.А. Роль частиц со значением недостоверности в выражении утверждения/отрицания / И.А. Нагорный // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц. – М., 1995. – С. 31-41.
122. Недобух А.С. Вербальные сигналы мены коммуникативных ролей / А.С. Недобух // *Языковое общение: процессы и единицы*. – Калинин, 1988. – С. 107-117.
123. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 2007.
124. Николаева Т.М. Функция частиц в высказывании (на материале славянских языках) / Т.Ш. Николаева. – М., 1985. – 169 с.

125. Носкова С.Э. Прагматика дискурса малых форм / С.Э. Носкова. – М.: Институт языкознания РАН: Тверь: Тверской Государственный университет, ТГСХА, 2006. – 194 с.
126. Озаровский О.В. Согласие-несогласие как категория коммуникативного синтаксиса (в грамматике русского языка для иностранцев) / О.В. Озаровский // Проблемы учебника русского языка как иностранного. – М., 1980. – С. 43-48.
127. Озаровский О.В. Способы выражения согласия-несогласия в современном русском языке / О.В. Озаровский // Русский язык в национальной школе, 1974. – №6. – С. 61-67.
128. Орлова Н.Н. К вопросу о языковых средствах выражения эмоций / Н.Н. Орлова // Известия Южного федерального университета, филологические науки, 2008. – №4. – С. 55-64.
129. Пащенко М.А. Аксиологический аспект коммуникативного акта отказа / М.А. Пащенко // Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – №2 (69). – С. 32-38.
130. Пиотровская Л.А. Эмотивность как языковая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, 1993. – Вып 2. – С. 123-129.
131. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков): Монография. – СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. – 146 с.
132. Пиотровская Л.А. «Язык описания эмоций» и «язык выражения эмоций»: новое решение проблемы / Л.А.Пиотровская// Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты. Сб. науч. Тр. У юбилею В.И. Шаховского. – Волгоград: Волгоград. Научное изд-во, 2009. - С. 74-85.
133. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 2007. – 256 с.

134. Поройкова Н.И. Функционирование средств согласия-несогласия в диалоге / Н.И. Поройкова // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. – Л. 1976. – С. 76-81.
135. Прибыток И.И. Сентенсоиды: Структура, Семантика, Прагматика. Сферы функционирования / И.И. Прибыток. – Саратов, 1992. – 180 с.
136. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста / А.А. Романов // Текст в коммуникации. – М. – Тверь: АН СССР, ИЯ, ТСХИ, 1991. – С. 82-100.
137. Романов А.А. Роль междометий в экспликации диалогических регулятивов / А.А. Романов // Мышление и коммуникация. – М., 1990. – С.115-125.
138. Романов А.А. Прагматические функции частиц в иллокутивной структуре диалогического текста /А.А. Романов // Текст: структура и анализ. – М.,1989.- С. 118-129.
139. Рыбачева Л.В. Роль частиц разговорной речи в предложении и связной речи / Л.В. Рыбачева // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж; ВГПУ, 2003. – Ч. 1. – С. 179-182.
140. Рябцева Э.Г. Реплики несогласия в микродиалоге / Э.Г. Рябцева // Диалог глазами лингвиста. – Краснодар, 1994. – С. 86-91.
141. Сафаров Ш.С., Шишкина Т.А. Коммуникативно-прагматические функции восклицаний в диалоге / Ш.С. Сафаров, Т.А. // Коммуникация и мышление. – М.: ИЯ АН СССР, 1990. – С. 126-131.
142. Свяготор И.П. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке / И.П. Свяготор. Калуга, 1960. – 39 с.
143. Седов К.Ф. Становление структуры дискурсивного мышления языковой личности: психологические и социолингвистические аспекты / К.Ф. Седов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 180 с.

144. Серeda E.B. К вопросу о классификации междометий / E.B. Серeda // Русский язык. – 2004. – №13. – С. 19-21.
145. Серeda E.B. Нерешенные проблемы изучения междометий // газета Русский язык №11 / 2003, издательский дом Первое сентября [Электронная версия] (<http://rus.1september.ru/artide>)
146. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике, – М.: Прогресс, 1986. – Вып.17. – С. 170-194.
147. Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII.
148. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Сёрль, Дж. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ языка естественных языков, – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII. – С. 247-263.
149. Сиротинина О.Б. Некоторые синтаксические особенности разговорной речи // Русская разговорная речь. Сб. научн. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. – С. 141-149.
150. Сиротинина О.Б. Первые итоги специального изучения разговорной речи / О.Б. Сиротинина // Язык и общество. – Саратов, 1970. – Вып 2. – С. 63, 73.
151. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и её особенность / О.Б. Сиротинина. – М., 1974. – 144 с.
152. Сковородников А.П. О системе экспрессивных синтаксических конструкций / А.П. Сковородников// Филологические науки. – М. 1982. - №1. – С. 37-43.
153. Соболева Е.Г. Структурно-семантическая организация каузативных конструкций со значением разрешения / Е.Г. Соболева // Классы слов в синтагматическом аспекте. – Свердловск, 1988. – С.

100-107.

154. Сотникова А.А. Диалог и условия реализации в нём семантико-коммуникативной категории согласия-несогласия / А.А. Сотникова // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия История. Языкознание. Литературоведение. 1987. Вып. 4, – №23. – 76-82.

155. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и её единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин, 1984. – С. 3-12.

156. Сухих С.А. Организация диалога / С.А. Сухих // Языковое общение: единицы и регулятивы. - Калинин, 1987. – С. 47-51.

157. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. - Краснодар, 1998.

158. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация /В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке, языковые механизмы экспрессивности. - М., 1983. – С. 57-65.

159. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 36-66.

160. Тимофеев К.А. Об экспрессивных средствах синтаксиса русского языка (заметки и наблюдения) / К.А. Тимофеев // Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1984. – С. 3-5.

161. Тырникова Н.Т. Общее и специфическое национальное в речевом этикете: на материале русского и английского языков, 2003. – 143с.

162. Федорова Н.В. Проблема соотношения диалогической и монологической речи в аналитических телепрограммах / Н.В. Федорова // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. – Тамбов, 2006. Вып. 2(42). – С. 279-281.

163. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: утешение, убеждение и уговоры / М.Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. – С. 73-94.
164. Формановская Н.И. Имплицитный интенциональный смысл высказывания / Н.И. Формановская // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986. – С. 62-64.
165. Формановская Н.И. К уточнению понятия экспрессивные речевые акты. / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. 1998. – №4. – С. 37-45.
166. Формановская Н.И. Речевая интенция как объект исследования в лингвистическом и методическом аспектах / Н.И. Формановская // Лингвистический поиск на рубеже веков. – М., 2000. – С. 65-71.
167. Формановская Н.И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении / Н.И. Формановская // Эмоции в языке и речи. – М.: РГГУ, 2005. – С. 106-116.
168. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
169. Харитонова И.Я., Гавриш А.М. Синтаксические единицы в речевой коммуникации / И.Я. Харитонова, А.М. Гавриш // Языковые единицы в речевой коммуникации – Л.: ЛГУ, 1991. – С. 26-36.
170. Хлебцова Н.К. Развернутые негативные реакции в русском общении / Н.К. Хлебцова // Вестник СГАУ им. Н.Г. Вавилова. – Саратов, 2006. – Вып.6. – С. 170-171.
171. Хундснуршер Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога / Ф. Хундснуршер // Вопросы языкознания, 1998. – №2. – С. 38-50.
172. Чистякова Л.М. К методике стилистического анализа частиц / Л.М. Чистякова // Русский язык в школе. 1951. – №5. – С.27-31.
173. Шаронов И.А. Глаголы речевых актов и коммуникативы / И.А.

Шаронов // Московский лингвистический журнал. – М. – 1998. – Т.4. – С. 204-225.

174. Шаронов И.А. Коммуникативы и жесты: связи и взаимодействие / И.А. Шаронов // Московский лингвистический журнал. – М., 2005. – Т.8. – №2. – С. 145-161.

175. Шаронов И.А. Коммуникативы как Функциональный класс и как объект лексикографического описания / И.А. Шаронов // Русистика сегодня, – 1996. – №2. – С. 89-111.

176. Шаронов И.А. Междометия в речевой коммуникации / И.А. Шаронов // Эмоции в языке и речи. — М.: РГГУ, 2005. — С. 200-220.

177. Шаронов И.А. Назад к междометиям / И.А. Шаронов // Диалог – 2004. – М., 2004. – С. 660-665.

178. Шаронов И.А. О допустимости резкости в русских стратегиях ведения диалога / И.А. Шаронов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 58-62.

179. Шатуновский И.Б. Речевой акт разрешения и запрещения в русском языке / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языки этики. –М., 2000. – С. 319-324.

180. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – №6. – С. 97-104.

181. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. - 208 с.

182. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.

183. Шведова И.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / И.Ю. Шведова. – М., 1960.

184. Шведова И.Ю. К изучению русской диалогической речи. / И.Ю. Шведова // Вопросы языкознания, 1956. – №2. – С. 39-47.

185. Шведова Н.Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1957. – №1. – С. 85-95.
186. Шиленко Р.В. К определению класса экспрессивных высказываний / Р.В. Шиленко // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин, 1985. – С. 159-166.
187. Ширяев Е.Н. Что такое разговорный диалог? [Электронный ресурс: <http://lab-ritor.ucoz.ru/load/1-1-0-47>]
188. Шмелёв Д.Н. К вопросу о производных служебных частях речи и междометиях / Д.Н. Шмелёв // Избранные труды по русскому языку. – М., 2002. – С. 336-353.
189. Шмелёв Д.Н. О связанных синтаксических конструкциях в русском языке / Д.Н. Шмелёв // Вопросы языкознания, 1960. – №5. – С. 47-60.
190. Шмелёв Д.Н. Синтаксические связанные конструкции – фразеосхемы / Д.Н. Шмелёв // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976. – С. 97-103.
191. Шмелёв Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. / О.Н. Шмелёв // Вопросы языкознания, 1958. – №6. – С. 45-53.
192. Шумило Т.В. Семантическая и прагматическая организация нечленимых высказываний [Интернет-ресурс] // <http://pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2009/143-longvist-paradigma/7263-semaufichesкая>. 08.12.2012

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969.

2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степнова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 906 с.
3. Большой толковый словарь русского языка (под ред. С.А. Кузнецова). – СПб: Норинт, 2004. – 1535 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь русской разговорной речи
5. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи / В.Ю. Меликян – М.: Флинта: 2001. – 240 с.
6. Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Изд-во «Русский язык», 1983. – 144 с.
7. Словарь современного русского говора (под ред. Б.И. Осипова). – М.: ООО Изд-во Русские словари; ООО Изд-во Астрель, 2003. – 565 с.
8. Словарь. Тезаурус современной русской идиоматики (под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского). – М.: Мир энциклопедий: Аванта, 2007. – 1135 с.
9. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. – М.: ООО Дом Славянской книги, 2009. – 960 с.
10. Фразеологический словарь русского языка / Авторы составители: Легостаев А.А., Логинов С.В. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 603 с.